

АНДРЕЙ ЦАПЛИЕНКО

Р.О.В.

ЛЮДИ ВОЙНЫ

CF FOLIO

Андрей Цаплиенко
Р.О.В. Люди войны

«Фолио»

2011

Цаплиенко А. Ю.

Р.О.В. Люди войны / А. Ю. Цаплиенко — «Фолио», 2011

Наверное, мало осталось на карте мест, где бы не побывал автор этой книги. И как правило, места эти отнюдь не спокойны. «Р.О.В.» – это, можно сказать, классическая аббревиатура, которую часто используют в англоязычных сводках о потерях в зонах боевых действий и которая расшифровывается как «Prisoners of War» – военнопленные. У автора же свое обозначение понятия «Р.О.В.»: «People of War» – люди войны. Эта книга о тех, для кого понятие «война» равнозначно понятию «жизнь» – о журналистах, ведущих репортажи из самых горячих точек планеты; о бойцах Иностранного легиона; о детях, разбирающихся в видах оружия лучше, чем в учебниках и игрушках; о бывших воинах Советской армии, которые добровольно перешли на сторону моджахедов, живут в Афганистане и не имеют желания вернуться на родину... Словом, она о тех, кто все время живет на войне.

© Цаплиенко А. Ю., 2011

© Фолио, 2011

Содержание

POW	5
БУАКЕ	7
ИНТЕРВЬЮ В ТЕТОВО	23
ПОСЛЕДНЯЯ ИРОГАМИ, НАПИСАННАЯ НА ЗАКАТЕ И ДОЧИТАННАЯ НА РАССВЕТЕ	31
КАРМЕН REAL	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Цаплиенко

P.O.W. Люди войны

POW

«POW» – это классическая, можно сказать, аббревиатура, которую часто используют в англоязычных сводках о потерях в зонах боевых действий. Расшифровывается она так: «Prisoners of War», военнопленные. Сокращение «POW» можно встретить и в официальных отчетах воюющих сторон, и в текстах репортажей ведущих масс-медиа, и даже в призывах тех или иных антивоенных организаций, которые требуют побыстрее закончить бойню. Мы давно научились говорить на языке символов и сокращений, не тратя время на расшифровку стандартных формул. Но для меня смысл именно этой формулы куда глубже ее статистического значения. «Prisoners of War» – это не просто военнопленные. Это плененные войной. Это те, кто, однажды попав в круговерть обстоятельств, уже не может вырваться на свободу. И, даже формально оставаясь свободными, эти люди несвободны внутри. Потому что однажды вкусили наркотик, от которого не избавиться никогда. Даже не знаю, как его назвать, но тех, кто на него крепко подсел, я могу сразу же определить. Так, кажется, бывшие алкоголики чувствуют друг друга. С некоторых пор я расшифровываю это грозное сокращение «POW» вот так: «People of War» – люди войны. Какое, однако, огромное количество людей подпадает под это определение! Какие невероятные коллизии они пережили! И те, кто носит военную форму, – лишь небольшая часть того огромного сообщества, которое можно назвать людьми войны. Их истории пересекаются друг с другом в пространстве и времени. Но самое непостижимое – иногда истории тех, кто пережил локальные войны современности, внезапно открывают раны прошлого. Исторического прошлого. Не имеющего к тебе прямого отношения. Однажды после мимолетного разговора я увидел во сне, как сражались воины клана Тайра за право владеть Страной восходящего солнца, но то, что на самом деле чувствовали они, я смог понять только некоторое время спустя, после рейда по иракскому городу Кут, вместе с американскими морпехами. А после беседы с бригадным генералом в Израиле я стал иначе смотреть на Богдана Хмельницкого – оказалось, реальный Богдан имеет мало общего с памятником в центре Киева. Но, впрочем, эта книга не о монументах. В ней много о тех, кого я знаю, порой очень близко.

В ней факты перемешаны с чувствами, география с кровью, а глобальная трагичность происходящего – с черным юмором приключений, которые заканчиваются хорошо. Ведь это так и есть. Мы смеемся над опасными приключениями со счастливой развязкой.

В ней много тайн или, во всяком случае, вопросов, на которые я до сих пор не смог найти ответ. Например – ради чего девятнадцатого ноября две тысячи первого года расстреляли группу из четырех журналистов в Афганистане? Кто сделал это? А ведь эта группа ехала в Кабул в тот же самый день и той же самой дорогой, что и наша. Но мы, слава Богу, выжили. Впрочем, иногда мне кажется, я знаю, кто сделал это.

Иногда война определяет сущность человека, иногда человек влияет на ход войны. История перспективного австрийского студента-медика Ариберта Хайма обернулась после Второй мировой войны поисками самого разыскиваемого нацистского преступника. Мы тоже подключились к этим поискам вместе с «охотниками за нацистами», но нашли для себя совсем не то, что ожидали найти. А ведь если бы не война, то гинеколог Хайм лечил бы своих пациенток где-нибудь в провинции и, возможно, крутил бы с ними романы, не прячась от прошлого и не опасаясь настоящего.

Если бы не тайная ядерная программа Израиля, первый «атомный шпион» в истории этой страны был бы скучным клерком, а не диссидентом. И ветеран Войны Судного дня Яков

Кедми не встретился бы со мной за чашкой кофе в районе рынка Алленби. А в жизни самого Якова его война тоже сыграла ключевую роль: он сделал карьеру в разведке, став руководителем спецслужбы «Натив», ответственной, в том числе, и за безопасную эвакуацию евреев из зон конфликтов.

Эта книга – не автобиография. И не географический перечень тех стран, где люди преуспели в уничтожении друг друга во славу разных идей. Это «флешбеки» – вспышки в циничной памяти журналиста однажды увиденного, быть может, хорошо забытого, но потом вызванного из глубин белой бумаги, которая требует от автора быть исписанной во что бы то ни стало. А ведь не будешь же ее, такую белую, марать всякой ерундой?

БУАКЕ

Республика Кот-д'Ивуар, 2002 год

Есть три события, которые я хотел бы вычеркнуть из книги моей жизни или же, как минимум, переписать. Но в книгах, подобных тем, которые мы пишем каждый день каждым своим движением, невозможно ничего переписать, а тем более вычеркнуть. Ваши плохо почищенные утром зубы становятся таким же достоянием истории, как и гениальная музыкальная фраза, если вы музицируете. Или невероятная формула, которая описывает суть всеохватывающего явления под названием «гравитация», если вы исследуете физические законы. Не знаю, как там «гений и злодейство», но гениальное и ничтожное точно всегда идут рядом, взяв друг друга под локоток.

Три события произошли в один день, седьмого октября две тысячи второго, поэтому их невозможно забыть даже по частям. Я пробовал. Но одно затем вызывает в памяти другое, а за ним и третье. Цепная, будь она неладна, реакция. Звеньев немного, но я ими скован по рукам и ногам. Что сделано, то сделано, а что не сделано – тем более уже не исправить и не доделать, поправляя перед зеркалом своей совести respectable прикид уважаемого человека.

Одно только я знаю наверняка. У каждого, кто по уши влезал в лучшую из профессий, было нечто подобное. Слово, которое нужно было сказать. Или досказать. Поза, которую ты принял, вместо того чтобы занять позицию. Шаг, сделанный вверх, в то время когда от тебя ждали, что ты будешь шагать вперед. И теперь каждый волочит за собой свои непереписанные главы.

Невероятно, как же мы все-таки прорвались в Буаке. Думаю, все решило появление этого француза с Радио Франс Интернасьональ, Оливье Роже, которому случилось однажды работать в Москве. Он говорил по-русски, перебирая, как четками, местоимениями, с таким милым французским грассированием, что его, пожалуй, хотелось вставить в фильм эпохи застоя про невероятную любовь существ по разные стороны железного занавеса. И голос у него был вполне подходящий перекатам небного «р», бархатистый, приятный, доверительный. Впрочем, неудивительно. Мсье Роже работал на радио.

Именно он уговорил ивуарийских полицейских отпустить нас дальше. В самый центр страны. В самый центр гражданской войны. В город Буаке. Но начальник полицейского управления – в каком же городе? Димбокро, кажется? – захотел проявить радушие и приказал по случаю прибытия столь уважаемых гостей из столь разных стран (Украина, Франция) открыть пустующий мотель и накрыть столы в пустующем ресторане пустующего мотеля.

С едой там было туго. Чтобы ускорить процесс, мне пришлось самому взять в руки нож и почистить огромные клубни иньямы, по вкусу напоминающие гидропонную картошку. Кажется, кроме иньямы была еще какая-то еда, хлеб, мясо, уже не помню таких деталей. Зато хорошо помню, что наш вклад в коллективное застолье был достаточно велик. Бутылка немировской водки подешевле, испытанное средство подкупа несговорчивых представителей различных вооруженных формирований, которые имеют обыкновение устраивать блокпосты на дорогах, с одной только целью никого никуда ни за что не пускать. Нас было семеро за столом. Я со своим оператором, Оливье с двумя молчаливыми коллегами, газетными журналистами, хозяин гостиницы и начальник местного полицейского спецподразделения. Трапеза происходила во дворе ресторана, можно сказать, под автоматным стволом. За спиной начальника стоял рядовой сотрудник правоохранительных органов Республики Кот-д'Ивуар в красном берете и с автоматом наперевес. Он внимательно и настороженно оглядывал пространство вокруг стола, выполняя приказ «Смотри, чтобы все было в порядке». Оружие на плече черного амбала выглядело грозно, но еще более убедительно оно смотрелось бы на экспозиции редких образцов вооружения Второй мировой войны, одним из которых оно, собственно, и являлось. На

солдатах здесь, видимо, сэкономили. Начальник, засунув свой берет под погон, взял стакан с водкой и принялся потягивать его содержимое мелкими глоточками, на манер виски, он, видимо, никогда еще не пробовал наш северный напиток. И я ни с того ни с сего решил похулиганить.

– Нет, нет, так это не пьют, – замахал я на начальника обеими руками.

– А как же? – переспросил наивный темнокожий офицер.

– А вот так! – И я наполнил его двухсотграммовый сосуд до края.

– Я в этом не участвую, я знаю этот пгтрикол, – мягко заурчал мне на ухо Оливье, прикрывая рукой стакан перед собой. Английский смешивался с французским и русским, как и табачный дым сигарет с разных континентов.

– Дакор, – легко согласился я как раз в тот момент, когда офицер принялся к содержимому стакана. Словно и не пил из него до этого.

– Это нужно делать так, – начал я инструктаж. – Водка – это не вино и даже не виски. Чтобы испарения спирта не портили вкусовые качества напитка, его нужно залпом опрокидывать в себя, желательно одним глотком.

В этом месте я сделал паузу со значением, после которой произнес ключевую мысль коварного «пгтрикола».

– Наши офицеры запросто глотают содержимое полного стакана.

Замечаю, что сработало. Ивуариец перестал нюхать водку и приготовился ее глотать.

Я встал со своим стаканом. Он со своим. Я выпил залпом свою жидкость. Он, прикрыв веки, перевернул в рот свой стакан. Разница была только в том, что в моем было примерно граммов на сто меньше, чем в его. Черный офицер проглотил прозрачную жидкость залпом. Высокий, мускулистый защитник и одновременно инструмент африканского правосудия.

Не прошло и нескольких секунд после того, как водка вошла в него, офицер закачался, как мачта старого баркаса в шторм, и (тут мне ради красного словца хотелось бы сказать «рухнул как подкошенный»), тем более, что этот забавный эпизод так хорошо рассказывается во время застолья, которое, конечно, допускает любые литературные преувеличения) присел на деревянную скамью, на которой все мы, собственно, и сидели. Но африканец, похоже, и сидеть не мог, потому что даже в таком положении его качало в разные стороны. Особенно опасно парень откидывался на спину. Младший чин ивуарийского спецназа занервничал, подскочил к спине своего командира, продолжая водить своим стволом по сторонам. «Довольно опасное движение», – подумал я про себя, глядя на мечущийся автомат. Мои французские друзья, судя по лицам, подумали то же самое. По-французски.

С каждой секундой командира болтало все больше и больше. Его солдат не знал, что нужно сделать раньше – поймать своего офицера до того, когда его тело коснется хорошо утоптанного грунта, или расстрелять этих подлецов, этих коварных отравителей, этих пособников продажных заграничных корпораций (всем известно, это именно они устроили путч в мирной образцовой африканской республике), этих чудовищ, прибывших в Африку с одной лишь целью, а именно вывести из строя хотя бы одного законопослушного офицера. Все это было вложено в клич негодования, который издал человек с автоматом. В отличие от нас, ослобивший командир понял сразу своего подчиненного. Он посмотрел на него и успокаивающе кивнул: «Тре бьен». Все очень хорошо.

С ускользящей улыбкой на лице наш черный гигант поблагодарил нас и попытался встать из-за стола. Попытка не удалась, вернее, до успеха довести ее помог все тот же младший чин. Стало понятно, что стрелять по нам не надо, а вот что надо, так это ловить падающего командира. Что солдат, собственно, и сделал. А его шатающийся предводитель сообщил: «Мне, пожалуй, пора» и скомандовал по-армейски четко выносить его к месту дежурства. Подтягивая долговязого начальника к двери, солдат время от времени боролся с собственным автоматом. В этом нелегком деле стрелковое оружие только мешало.

«Тепебрь нас должны еще ггаз аггрестовать», – задумчиво програссировал Оливье. Но нас не арестовали, а напротив, едва с утра посветлело на востоке, совершенно безо всяких проблем пропустили в сторону Буаке на блокпосту правительственных сил. Это был последний контроль на территории, которую контролировало правительство Кот-д'Ивуара. На лицах ивуарийских солдат было нескрываемое удивление. Мне тогда казалось, они глядели на нас с опаской, мол, вот они, люди, сумевшие нейтрализовать нашего могучего командира, давайте-ка их пропустим в сторону нашего противника, пускай их травят своей водкой. Потом я понял, что на нас они смотрели, как на сумасшедших, потому что только сумасшедший в ту осень хотел с юга страны перебраться в Буаке, сердце мятежного беззакония. Впрочем, одно другому не помеха. Людям, которые пьют такие странные напитки, самое место в странном городе, окруженном отборными ивуарийскими жандармами и солдатами французского Иностранного легиона вкупе с десантниками. С беретами был явно перебор. Легионеры в зеленых. Десантники в малиновых. Еще были береты невероятной раскраски и всевозможной гаммы, в которых красовались местные, ивуарийцы. Берет в прифронтовой зоне был чем-то вроде индикатора качества человека. Зеленый берет информировал: его суровый обладатель – отличный инструмент войны высшего качества, нетребовательный, исполнительный и невероятно выносливый. Малиновый: уступает зеленому в нетребовательности и выносливости, зато инициативен и весьма патриотичен, убежден, что его родина – это вся Французская Республика, а не отдельно взятый Иностраный легион. (Как известно, официальный лозунг легионеров звучит категорично: «*Legia patria postra*», то есть, в переводе с латинского языка, «Легион наша родина».) Остальные цвета с точки зрения первых двух настолько не в счет, что дифференциация по цветовым показателям просто теряет смысл, хотя парни на ивуарийских блокпостах, как мне показалось, обладают явным преимуществом перед французской палитрой. Они были местными, ивуарийцами, африканцами, наконец, они здесь не просто воевали, то есть, конечно, воевали, но не всегда, а большей частью просто жили, и, в отличие от французов, им было что защищать и за что поливать кровью желтую землю, покрытую лесостепью и плантациями какао, из-за которых, собственно, и началась эта странная гражданская война. Какао здесь выращивают так много, что, оказывается, шестьдесят процентов мирового урожая сладких бобов привозят именно отсюда. Шоколад, который вы, возможно, сейчас жуετε, оставляя коричневые отпечатки на уголках страниц, скорее всего, западноафриканского происхождения. Мысленно разделите прямоугольник вашего шоколада на десять равных частей. Представьте, что шесть из них состоят из порошка какао, выращенного в Кот-д'Ивуаре. И что из-за этого какао, а вернее, из-за денег, что платите за шоколад вы и еще десятки миллионов любителей сладкого, здесь идет война. В Африке всегда так. Если в стране имеется, что делить – нефть, алмазы, какао, – дележ происходит с помощью мачете и автоматов. Но, пожалуй, не стоит заниматься разбором причин конфликта в стране Берег Слоновой Кости, как и в других соседних странах. Пока я находился в ее пределах, я так и поступал, то есть оставлял раздумья о первопричинах на «потом», на то время, когда я вернусь в свой привычный восточноевропейский мир и начну просматривать отснятый материал. И в очередной раз выведу для себя самого главный закон телевизионного цинизма. Чем дальше страна, тем больше должно погибнуть людей, чтобы у зрителей появилось желание задуматься: а что же там происходит? Африканский континент никогда не отличался гуманизмом. Когда в Европе, Америке или Азии гибнут десятки мирных жителей, мир белых людей воспринимает это как вселенскую трагедию. Жертвами африканских войн ежегодно становятся десятки тысяч человек, и это воспринимается как должное.

Мы задержались немного на блокпосту легионеров. Во-первых, потому что они стояли между правительственными войсками Кот-д'Ивуара и повстанцами. Вроде бы как миротворцы, но с четким приказом открывать огонь на поражение в случае любой видимой опасности. Во-вторых, потому что среди этих парней в зеленых беретах было немало наших соотечественни-

ков – из Украины и тех, кто из России, Беларуси, других стран Содружества. Остальные тоже родственнички, в основном сербы, поляки, хорваты.

Иностраный легион был создан девятого марта 1831 года по приказу короля Луи Филиппа. Сначала его основу составляли швейцарские наемники, затем в Легион стали набирать всех желающих. Именно тогда возникла традиция не спрашивать имени новобранца, и для сотен маргиналов и преступников это был неплохой шанс избежать наказания. Сейчас ситуация изменилась, но среди легионеров встречаются люди, которые не в ладах с законом.

К выходцам из Российской империи всегда было особое отношение. В 1921 году на основе конницы бежавшего во Францию Врангеля был создан первый бронетанковый полк легионеров. Они участвовали в десятках вооруженных конфликтов, особенно отличились в начале пятидесятых в Индокитае и Алжире. За то, что легионеры защищают интересы Франции, Республика жалует им французское гражданство – обычно после трех с половиной лет службы.

В девяностых годах Легион пополнили добровольцы из Восточной Европы – люди с боевым опытом и желанием воевать дальше. Многие ветераны войны в Афганистане и миссии на Балканах вернулись туда опять, только в другой форме и под другим именем. Так что встретить земляка в Легионе несложно. Сложно уговорить его назвать свое настоящее имя.

– Кто-нибудь из вас говорит по-русски? – крикнул я в кузов грузовика, захавшего на территорию импровизированного военного городка.

– Нет! – с издевкой донеслось из кузова мне в ответ.

Они приехали сюда для того, чтобы эвакуировать французов из мятежного города. Французов здесь было немало. Теперь нет ни одного. Мятежники не любят белых людей. Тем не менее, в войну с бывшей метрополией вступать не хотят. Повстанцы понимают, что они в состоянии сражаться с деморализованной местной армией, но вовсе не с французскими легионерами славянского закаленного происхождения.

И я решил, что нужно отснять часть репортажа именно здесь. Это потребовало времени. Полтора часа съемки. А до этого еще часа четыре уговоров на то, чтобы получить разрешение на съемку, в ожидании которой мы с оператором Вадимом Ревуном сидели на пластиковых стульях под тентом возле французской БМП. Русскоговорящий дружище Оливье познакомил нас с командиром легионеров, отрекомендовал и отправился дальше в Буаке. Нам бы тоже туда вслед за ним, но не хотелось упускать возможность пообщаться с «нашими» в чужой форме.

– Они, наверное, думают, что мы шпионы, – философски заметил Ревун, выпуская дым очередной смрадной сигареты. Это натолкнуло меня на мысль. А еще антенна над крытым зеленым автомобилем, который стоял в нескольких метрах от нас.

Я развернул свою антенну на спутниковом телефоне и набрал номер редакции.

– Але, у нас все в порядке, нашей безопасностью занимаются французы, Иностраный легион, от них зависит мир в этой стране.

Набрал номер своей жены.

– Послушай, у нас все хорошо, люблю, не волнуйся, мы в полной безопасности, тут французы, легионеры, отличные ребята, профессиональные миротворцы, нас охраняют, мир берегут. Нет, никто не стреляет, это двигатель запустили.

Набрал номер Оливье.

– Ну что, добрались? Молодцы, молодцы. Слушай, огромное тебе мерси за легионеров, я думаю, что только они способны поддерживать мир... (И так далее.)

Прошло не больше двадцати жарких минут. Из автомобиля с антенной вылез улыбающийся лейтенант, подошел к нам и сообщил новости. Они заключались в том, что съемочная группа из Украины в лице Андрея Цаплиенко и Вадима Ревуна получила доступ к съемкам позиций легионеров, а также возможность задать несколько вопросов самому лучшему солдату

подразделения, кстати, из Украины, который изъявил желание служить в Легионе под своим именем. Все-таки это правильно, что телефоны журналистов так легко прослушиваются.

Игорь Омелянчук. Рост два метра. Косая сажень в тяжелых квадратных плечах. Плотно накачанные, словно футбольные динамовские мячи, мышцы.

Он оказался в Легионе пять лет назад. За это время дослужился до капрала. Для парня из украинского города совсем неплохо. Игорь родом из Черновцов. Служил в украинской армии, а потом решил податься туда, где платят больше да и работа поинтереснее. И впрямь, жизнь легионера скучной не назовешь. Основная база спецподразделений – на острове Корсика. Раз в год «спецов» отправляют в Африку – в Габон, в Джибути, в Центрально-Африканскую Республику.

«Мы привыкли к Африке, – рассказывал мне Игорь после того, как получил приказ сниматься для украинского телевидения. – Примерно раз в полгода нас отправляют в Джибути. А теперь вот сюда. При тех нагрузках, которые мы переносим в учебном центре, здесь еще неплохо, своеобразный отдых».

Но отдых здесь только для тела, не для души. Ствол бронетранспортера все время направлен в сторону Буаке, туда, откуда каждый день слышны автоматные очереди и крики демонстрантов. «Мы не любим Гбагбо!» Это в адрес действующего президента. «Французы, убирайтесь домой!» А это в адрес легионеров. Интересно, что бы кричали демонстранты, если бы узнали, что среди легионеров почти нет французов?

Мятежники контролируют ситуацию. Они сопровождают демонстрантов, когда те с плакатами и палками идут из города к французскому блокпосту. Боевики не дают толпе приблизиться к бронетранспортеру, но день ото дня дистанция между горожанами и легионерами сокращается.

«С мятежниками мы не сталкивались, – признается Игорь. – Видели их, только когда они сопровождали демонстрации протеста и вместе с ними подходили к нашей позиции. Но воевать с нами они, похоже, не хотят».

По некоторым признакам мы определили, что легионеры намерены сворачивать свой блокпост и покинуть пригород Буаке. Это может означать, что дела налаживаются и французы здесь больше не нужны. Или что силы правительства намерены идти в наступление и, стало быть, большой войны не миновать.

Каждый из легионеров вооружен винтовкой ФАМАС. Неплохая винтовка, говорит Игорь, но в отличие от «калашников» очень чувствительна к грязи. Хорошее сравнение. В Легионе любят солдат с родины «калашников», наверное, потому, что они так же неприхотливы, как и знаменитый автомат.

«Если они двинут на нас, то крупно пожалеют, – произнес сквозь плотно сжатые зубы Де Ла Шапель, командир Омелянчука. – Они нас боятся, потому и не идут вперед. Я в легионе уже двенадцать лет и, поверьте, знаю цену жизни и смерти».

Легионеры заблуждаются – боевики никого не боятся. Может быть, где-то в душах чернокожих солдат и спрятался животный страх перед смертью, но у каждого боевика есть испытанное средство борьбы со страхом, о котором французские солдаты не знают ничего. Этому средству тысячи лет, в сравнении с которыми несколько минут терпения ничего не значат.

И у нас появился шанс узнать об этом средстве. И выбор, на чьей стороне нам оставаться. Де Ла Шапель сообщил, что только что получил приказ пропустить вперед правительственные войска. Это означает только одно – город будут атаковать. Мы должны сделать свой выбор в течение нескольких секунд: оставаться под защитой легионеров или оказаться в центре сражения – на свой страх и риск. Я принимаю решение довериться судьбе. «Ты как?» – спросил я оператора. «Так же, как и ты», – ответил, покуривая, Вадим. Мы сделали выбор и едем в Буаке. Отныне все мы, черные и белые, оказавшиеся волей случая или провидения в этом городе, в руках судьбы. И только судьба знает, кто из нас увидит завтра свой последний рассвет.

– Nous sommes les soldâtes de la Justice et de la Liberte! – кричал, стоя на капоте малинового «мерседеса», бывший старший сержант ивуарийской армии Сумаоро Шериф Усман. – Мы солдаты Справедливости и Свободы!

– Да-а-а! – скандировала толпа. – On n’aime pas Gbagbo! Мы не любим Гбагбо!

Гбагбо – это фамилия тогдашнего президента Республики Кот-д’Ивуар, против которого восстала часть армии. К этой части и принадлежал Шериф Усман. Военная карьера его явно шла вверх. До восстания он был просто старшим сержантом, чья власть распространялась на отделение новобранцев. Во время восстания число его подчиненных выросло до семи сотен боевиков. После восстания Сумаоро Шериф станет политиком регионального масштаба. А все потому, что дар народного трибуна в нем смешался с чутьем уголовника. Он всегда чувствовал тот момент, когда нужно подняться над толпой. Наша камера включилась как раз в самый разгар митинга. Я решил тут же, в толпе сторонников восстания, записать комментарий. Со всех сторон на меня налегали кричащие люди. «Свобода!» – слышал я звенящий вой над городом. Мои руки были заняты микрофоном. Пока я рассказывал о солдатах свободы и справедливости, ловкие чужие ладони рыскали в задних карманах моих джинсов, так нагло и уверенно, что захотелось прервать репортаж и врезать по морде их обладателю. Но это было почти невозможно. Судя по количеству рук, их обладателей было несколько. Да и толпа стиснула меня могучими тисками народной африканской солидарности.

Вечером, после митинга, я нашел Шерифа и его людей на заправке. Машины боевиков в Буаке заливали бесплатно.

– Шериф, мне нужно твое интервью, – заявил я бывшему сержанту армии Кот-д’Ивуара.

– О чем? – Он даже не посмотрел в сторону человека, задавшего вопрос.

– О чем угодно, о французах, например.

Он повернул ко мне свое лицо. На глазах очки с темными стеклами, хоть на дворе была ночь. Над бровями спортивная разноцветная шапочка-«пидорка» с вышитой от руки аббревиатурой МРСІ – Патриотическое движение Кот-д’Ивуара.

– Где?

– Да где хочешь.

– D’accord, – согласился он и крикнул в пространство: – Embaquer! Грузиться!

Это «эмбарке» звучало так вяло и одновременно так жестко, что я сразу понял: никто не мог ответить этому черному парню «нет». Люди Шерифа, жевавшие неизвестную мне африканскую снедь, бросили это приятное дело и быстро запрыгнули в кузов пикапа, на крыше которого был установлен крупнокалиберный пулемет. Я и сам долгое время после этого интервью, пытаясь ускорить себя самого, прикрикивал мысленно: «А ну-ка, Андрюша, эмбарке! Быстренько грузиться!» Иногда добивался результата.

«Мы не преступники, мы повстанцы. Преступники боятся смерти. Мы же ее не боимся, – так говорил Усман, стоя на пустынной улице перед нашей камерой. За ним, ошестившись стволами автоматов, сгруппировались его боевики. А дальше ярко горел костер перед пустующей постройкой. Отличный фон для интервью с мятежником. – Мало того, лично я очень хотел бы, чтобы французские солдаты, которые окружили город, вошли сюда и встретились лицом к лицу с нами. Я не хочу войны с Францией, но если она начнется, это будет на совести французов».

Он уже знал, что легионеры утром пропустят правительственные силы безопасности.

«Нас немного, около семисот человек. Но за нас весь народ севера страны. Думаешь, мы смогли бы контролировать второй по величине город Кот-д’Ивуара, если бы люди не хотели этого? Вот и подумай, смогут ли взять жандармы этот город с боем. Я лично не очень уверен», – и Шериф Усман расплылся в щербатой хулиганской улыбке.

– Взять, пожалуй, и не смогут, – подумав, заметил я, – но попытаются. Будет много жертв.

– Может быть. А где ты видел революцию без жертв? – риторически переспросил Шериф.

– Я не уверен в том, что это революция.

Усман внимательно посмотрел на меня.

– Поехали с нами, – сказал он. И снова я услышал, как он бросает своим людям это легкое «эмбарке».

Мы подъехали к южной окраине Буаке. Западноафриканская ночь светилась тысячей огней. Одни затухали в серой темноте, другие, наоборот, разгорались. Приблизившись к огням, я разобрал, что это сигареты, тлеющие на губах и в руках солдат. Люди в форме с оружием в руках сидели на земле и ждали рассвета. Их прикрывал целый ряд одноэтажных домов, за которым начиналась лесостепь. Я знал, что она другим концом упирается в колеса бронетранспортеров правительственных сил, и они сейчас готовятся одним рывком намотать километры равнины на свои передние и задние мосты. Содрать с революции одеяло расстояния. Но люди на той стороне не видели того, что видел я. К испуганным мужикам в военной форме, сидящим в переулке, подходили такие же испуганные мужики в гражданском. Их становилось все больше и больше, и новые сигаретные светлячки зажигались тут и там. Им, гражданским, было очень страшно. Один из них ходил среди толпы с тридцатимиллиметровым снарядом в руке и говорил: «Это прилетело с той стороны, это попало в косяк двери моего дома». Да, им было страшно, но они не собирались уходить, хотя до рассвета оставалось все меньше и меньше времени. Я сел на бордюр тротуара. Рядом со мной примостился ладно скроенный парень в зеленой форме.

– Ну, как ты? – улынулся он.

– Нормально, буду ждать рассвета со всеми, – сказал я. – Ты куришь?

– Нет, разве ты забыл, я же спортсмен, хоть и в далеком прошлом.

Это Туо Фози. Раньше он был членом сборной Кот-д'Ивуара по легкой атлетике. Его рекорд на стометровке долгое время никто в Африке не мог побить. Теперь он стал, как это принято называть в газетах, полевым командиром, после того как поддержал мятежников и возглавил их. На его погонах сержантские знаки различия. Такие же точно я видел у Шерифа Усмана. Но в революционной иерархии Туо Фози на ступень выше, чем Сумаоро Усман. Шериф принимает военные решения «стрелять – не стрелять». Туо – политический рупор всей операции. Он ведет переговоры с министрами и генералами. Он руководит жизнью восстановленного города. Возможно, над ним есть еще фигуры. Несомненно есть. Когда я утром брал у него интервью, Туо часто отвлекался на звонки спутниковой «турайи», внимательно слушал и слишком часто повторял: «да, шеф, да, да, да». И это давало основание считать, что всей герильей кто-то руководит из весьма безопасного места. Но среди сигаретных огней на проселке, который скоро станет передовой линией фронта, это, пожалуй, было неважно. Усман был мне интересен, Туо – не только интересен, но и симпатичен. И я ему, кажется, тоже, по непонятным причинам. Оливье записывал мое интервью с Туо Фози на диктофон, для Радио Франс Интернасьональ.

– Такого он еще никому не грассказывал, – уважительно заурчал он мне на ухо, когда запись остановилась.

На самом деле ничего особенного бывший спортсмен так и не сказал. Просто снял тампоны с незаживающих ран на душе. Почему передо мной?

«За то, что я не поддерживаю нынешнего президента, я был осужден на двадцать лет тюрьмы. Мне приписали убийство капитана во время нападения на резиденцию генерала Роберта Гея. Да, я там был. Но я не сделал ни единого выстрела. Президент Гбагбо хотел устроить показательную порку непокорных. Я вынужден был бежать, а сейчас вернулся, чтобы умереть на земле Кот-д'Ивуара. Я не знаю другой страны, другие страны не существуют для меня. Я ивуариец, и пусть все это знают!

Одиннадцать лет назад я был в сборной Кот-д'Ивуара по легкой атлетике, был в Европе, Африке, Америке. Я видел мир, и меня знает спортивная публика. Двадцать лет мне не было равных в армии. Рекорд, который я поставил на стометровке, никто не повторил до сегодняшнего дня. И что теперь? Потому что я против Гбагбо, меня хотят лишить родины?

Посмотри, здесь семьсот ивуарских парней, и у них та же проблема с тем же правительством! Не надо думать, что мы подлецы и оборванцы. Мы люди, которые поднялись, чтобы говорить от имени народа и ради блага народа! Народа, который страдает от несправедливости, потому что лишен свободы. Мы воюем за свободу и справедливость. За право честно выбирать президента и контролировать то, что делает власть. Вот за что мы воюем.

Люди на протяжении года были заключены в тюрьму за якобы подрыв государственности, по милости этого же государства. И только через год их освобождают из-за отсутствия доказательств. Как ты думаешь, это нормально? Пружина разжалась, и мы взяли в руки оружие.

Мы хотим, чтобы французские войска ушли. Они там, на той стороне, значит, они защищают режим президента Гбагбо. Ну что ж, мы будем драться, потому что мы боремся за свободу и за демократию в Кот-д'Ивуаре. Нам говорят, что Франция – одно из самых демократических государств. Французы долго сражались за свою демократию. Зачем же они мешают нам обрести свою?

У меня здесь есть семья. Мой отец умер, а я даже не был на похоронах, потому что был в изгнании. Я не видел отца перед его смертью. Неужели невозможно понять, что это означает для человека? – нельзя проститься с тем, кто привел его в этот мир. И я внезапно и очень мощно почувствовал, что должен подняться с колен, взять на себя ответственность и не допустить того, чтобы это произошло с другими людьми. Мы будем бороться за это. Это тяжелое и сложное испытание, но мы хотим, чтобы в Кот-д'Ивуаре каждый был со своей семьей, чтоб каждый жил у себя дома. Мы пойдем до конца и добьемся своего.

Мы не повстанцы, не террористы и не убийцы! Ты можешь поговорить с людьми в Буаке. И они скажут тебе, что это мы проливаем кровь за их безопасность».

И теперь он сидит рядом, улыбается и ждет рассвета вместе со всеми униженными и оскорбленными этой странной страны. А через несколько часов оказалось, что маятник качнулся в другую сторону. Под тихие трели пуль трехлинейного калибра.

Мы метались от одной передовой до другой. Буаке атаковали с трех сторон. С четвертой повстанцы не пускали правительственные силы, удерживая единственную дорогу, соединявшую город с севером Кот-д'Ивуара. Даже здесь, в Буаке, войска, верные Гбагбо, называли не иначе как «лоялисты», в буквальном переводе «сторонники законности», то есть законной власти. С этой стороны линии фронта была территория революции, и законы здесь тоже были вполне революционные. Что это означает, я очень скоро понял.

Первый минометный залп с той стороны прозвучал примерно в восемь утра. Лоялисты не любили ранних подъемов. Туо Фози в ответ расставил своих минометчиков по периметру города. Армия попыталась войти в город с трех сторон – с востока, запада и юга. Восточный фланг был слабым местом в обороне повстанцев, и жандармам удалось подтянуть позиции снайперов к минометным батареям на окраине Буаке. Один из них засел в здании школы капралов, как раз возле того места, откуда бой снимали мы и француз Грегуар Деню. «Послушайте, парни, давайте обойдем его, – предложил французский оператор. – Сюда, похоже, скоро начнут лупить минометы». На самом деле этот француз хотел снять позицию снайпера. Удачный кадр на чужой войне. Мы почти подобралась к снайперу, он нас не заметил. Но минометная позиция, по которой стрелок ведет огонь, была практически за нашими спинами. Мы сидели в зарослях папоротников и еще какой-то широколиственной зелени, но так и не решились сделать рывок вперед. Страх не было, но что-то остановило нас. Заветный кадр Грегуара остался неснятым. Мы обошли снайпера и добрались до тех самых минометчиков, по которым стреляет жандарм. И, пожалуй, вовремя.

– Мы его выйдем оттуда. Еще пару залпов, и я сделаю свое дело, – спокойно заявил бородатый здоровяк, указывая на то место, где еще несколько минут назад находились мы с французом. В руке, которой он водил в сторону школы капралов, хватало места для шестидесяти-миллиметровой мины и сигареты, зажатой между средним и указательным пальцами. Черный повстанец затянулся, не выпуская боеприпаса из рук, потом отнял руку с миной от лица. Сигарета осталась в его полных обложенных кудрями бороды губах.

Солдаты-повстанцы в полный рост ходили под прицельным огнем. Они методично, без излишней ярости и суетливости обстреливали позицию противника, даже не пытаясь укрыться от пуль, которые, судя по свисту, пролетали в сантиметрах от боевиков.

Я слышал, что жандармам, атакующим город, платили по две тысячи долларов за участие в штурме, а это огромные деньги для Берега Слоновой Кости, я знал, что лоялисты – это наиболее боеспособная часть ивуарийской армии. Но все же, мне кажется, они боятся повстанцев. Боятся встать и вот так, в полный рост войти в город, отбросив бунтовщиков на север.

– Слушай, дай нож, – услышал я.

– У меня нет, спроси у моего оператора, – механически ответил, оторвавшись от своих мыслей. Вадим достал свой карманный инструмент и протянул его парню, который пытался зачистить два проводка, красный и черный.

– Мы не боимся, а они боятся, и все потому, что у них нет «гри-гри», а на войне это главное, – сказал повстанец. И тут я заметил, что проводки, которые он соединял, выглядели из блока противотанковых снарядов. Такие зеленые цилиндры обычно устанавливаются на бронетехнике. И мне внезапно стало ясно: если мастер ошибется, то, пожалуй, позицию некому будет защищать. Нам было недосуг спрашивать о том, что такое гри-гри, мысли были заняты совсем другим.

– Пожалуй, надо нам отсюда убираться, – сказал я Вадиму. Два раза повторять не было нужды.

– Куда поедет? – спросил меня оператор.

– В госпиталь.

Первого раненого, которого мы увидели, доставили в госпиталь сами боевики. Обычный крестьянин, он ковырялся в своей земле как раз на линии огня. Его семья даже не знала, что началась атака. Крестьянина достала шальная пуля. Пробила ногу чуть ниже колена. Боевики говорили, что стреляли со стороны позиций жандармов. Хирург, доставший пулю из ноги, не поверил им. «Исса Даниого», – представился он, как только скользкая от крови пуля звякнула о дно белого эмалированного лотка.

– Они все говорят о мире, но на самом деле хотят воевать. Нам не хватает людей. Врачи говорят, что боятся выходить из дома. – Исса сел посреди операционной, устало вытирая капли пота с гладко выбритой большой черной головы. Всем своим видом он походил на Морфеуса из «Матрицы», и даже эти усталые движения руки добавляли сходства.

– Но самая главная проблема нашего города – это антисанитария, – продолжил доктор. – Некому убирать мусор. Отсюда – эпидемии разных болезней. Поэтому здесь нужно быстро принимать решения. Главное – это избежать эпидемии холеры, если она начнется, то ни врачи, ни солдаты ничего не смогут сделать. Может быть, хотите посмотреть наш госпиталь?

– Почему бы нет? – согласился я.

Доктор повел нас в палаты. Еще в операционной я удивился, что госпиталь довольно хорошо оснащен, во всяком случае, с точки зрения журналиста. Новое оборудование. Просторные помещения. Чистота. Но при этом я заметил, что врачи попадаются редко. «Я же говорил, доктора боятся выходить из дома», – словно прочитал мои мысли хирург. Мы были у дверей одной из палат.

– Здесь женщина, – сказал он, – я загляну и спрошу, согласится ли она говорить с журналистом.

– Входите, – сказал он, выглянув из двери.

Палата была одноместной. На кровати лежала женщина средних лет. Пятьдесят или около того. Она с трудом приподняла свое грузное тело. Доктор помог ей устроиться поудобнее, подложив подушки. Женщина села в постели, отбросив легкое покрывало так, что оно осталось лежать у нее на ногах.

– У нее очень опасное заболевание, – сказал Исса Даниого, указав на ноги женщины, и произнес загадочное слово на латинском, которое прозвучало очень зловеще в тишине палаты. Окно было раскрыто. Ветер дышал в него, бесшумно раскачивая занавески.

Доктор задал женщине вопрос на языке севера Кот-д'Ивуара, она, грустно всхлипнув, кивнула головой.

– Если хотите, можете посмотреть, она разрешает.

Покрывало метнулось в сторону, обнажив огромные вздувшиеся ноги. Они были невероятно опухшие, так что моментально стало ясно: она не может ни ходить, ни даже стоять на своих ногах. Местами сквозь черную натянутую кожу прорывались язвы красной плоти. Как будто кожа не выдерживала страшного внутреннего натяжения и разрывалась, расплзалась в стороны, обнажая все, что было под ее лакированной чернотой. Белый ты или черный, подумал я, под кожей все люди одинаковы. Короткое интервью с женщиной годилось для медицинской передачи, все о медицине в условиях нехватки медикаментов. Мы поблагодарили ее, извинившись за вторжение, и повернулись к двери палаты.

– Заберите меня отсюда, – сказала она по-французски.

Я остановился, не совсем разобрав смысл сказанного.

– Вы ведь едете в Абиджан? – спросила она.

– Ну да, конечно, – ответил я, – правда, как бы это вам объяснить? Ну, как минимум, не сегодня.

Мы понимали, что нам нужно будет через несколько дней выбираться отсюда, чтобы доехать до международного аэропорта, который, как известно, находится в Абиджане. Рано или поздно нам придется прорываться через окружение, хотя в тот момент я не представлял, как мы сможем это сделать.

– Все равно, – вздохнула она, – заберите меня отсюда. Я умираю здесь. Я разваливаюсь на куски. Там меня могут еще спасти.

– Ну, я не могу ничего вам пообещать, – промямлил я, представив себе, как мы будем выезжать из города еще с одним пассажиром. Нас двое, да еще водитель-ивуариец. В принципе, не слишком много для «мицубиси-универсала» повышенной проходимости. Но было еще несколько моментов. Полностью забитый аппаратурой грузовой отсек машины. И Грегуар Деню, которому я пообещал место на пассажирском сиденье в том случае, если мы будем рвать когти из Буаке. Но кроме того, я в глубине души понимал, что с чернокожей пассажиркой, которую наверняка приняли бы за раненую, боевики ни за что бы не выпустили за пределы линии обороны. Накануне они запретили всем жителям Буаке оставлять город.

– Заберите меня, – всхлипывала женщина. – Спасите. У них здесь нет лекарств. Эта война надолго. Она убьет меня без единого выстрела, понимаете?

Врач тактично вышел в коридор. Он не хотел влиять на мое решение. Я посмотрел на Вадима. Его продолговатое лицо слегка вытянулось. Он не хотел брать на себя бремя решения.

– Думай сам, но с ней у нас ничего не получится.

В общем, я отказал ей.

– Понимаю, – вздохнул в коридоре Исса Даниого. Кроме этого, он не сказал ни единого слова, пока мы шли на выход из госпиталя. Морфеусоподобная голова, словно отлитая из черного блестящего металла, покачивалась над широкоплечим белым халатом впереди нас и повернулась к нам только тогда, когда мы оказались возле центральных дверей.

– Удачи, бон шанс, – черная рука пожала мою белую, а потом снова смахнула пот с бритой головы. Я на прощание затараторил что-то о возможности забрать эту женщину, в случае если, и стал перечислять условия этого самого «если», причем их было так много, что Морфеус сразу понял – его пациентка останется в Буаке, – и он улыбнулся, хлопнув меня двумя руками по плечам, мол, не стоит уговаривать, дружище, и себя и меня в том, чего не будет. Я замолчал, понимая, что он прав, и тут же пожалел о том, что приехал в госпиталь, встретил этого черного, как зеркало моей собственной совести, хирурга. А потом, когда мы выехали из ворот госпиталя, я пожалел о том, что не вернулся туда и не предложил этой разъедаемой язвами африканке ехать с нами. Но было поздно, потому что в город вошли лоялисты, и это мы узнали от повстанцев, на которых наткнулись как раз на западной окраине города. Они перекрыли перекресток, выставив на него длиннющий бензовоз. Мы остановились и завели с солдатами нервный разговор.

Они выглядели истощенными и злыми. Их только что отвели с передовой. Многие из повстанцев были ранены. У одного я заметил десятки кровавых отметин на мускулистой руке, сжимавшей рукоять «калашникова». Этот парень чем-то выделялся среди остальных. Может быть, особо свирепым выражением лица. А может быть, всего лишь тем, что на его голове был не берет и не кепка зеленого цвета, а круглая красная шапочка, сродни турецкой феске.

– Сними этого солдата, – попросил я оператора. Вадим подошел к парню. Тот посмотрел на нас и скривился, но не протестовал против съемки. У меня был портрет боевика. Отличная иллюстрация для рассказа об африканской войне. Снятый с нижнего ракурса вооруженный человек сжимает деревянную рукоять автомата.

Больше ничего интересного здесь не было. Нам стоило поискать дорогу в сторону западного фланга обороны боевиков, но мы чего-то ждали, оставаясь на месте. Наш ивуарийский водитель Патрис выглядывал из окна машины и спрашивал: «Так едем или не едем?», но я все медлил с отъездом, задавая повстанцам вопросы, один за другим, о том, что же происходит на линии огня. В ответ я услышал несколько сумбурных историй: о новейшем оружии, которое применили лоялисты, и о белых наемниках, якобы командовавших силами безопасности. Подобные страсти, кстати, мне рассказывали на Кавказе, но только вместо белых наемников, водивших войска противника в бой, в центре истории обычно фигурировали черные наемники. Я тянул время и зачем-то слушал все эти рассказы. Издалека доносились редкие выстрелы и шум двигателей, то ли бронетранспортеров, то ли техники размером поменьше. И тут я увидел полуголого человека, который спокойно шел вдоль дороги, неся в одной руке черную спортивную сумку и белый пластиковый пакет в другой. Из пакета выглядывали лопасти электрического вентилятора и уголок настенной фотографии большого размера. Сумка явно была набита вещами, судя по нагруженной жилистой руке. Худощавый парень был одет только в спортивные рейтузы и кроссовки. Он был не один. Рядом с ним шел немолодой крепыш в военной форме и с автоматом. Они спокойно и лениво переговаривались, приближаясь к толпе повстанцев.

Боевик в красной феске окликнул парня, мол, кто такой. Парень ничего не ответил, а его сопровождающий весело ответил за него: «Мародер!», и тут задавший вопрос повстанец засуетился. Он подскочил к худощавому парню и, продолжая сжимать одной рукой дерево автоматной ручки, другой рванул на себя пакет. Заглянув в него, он вопросительно посмотрел на потенциального мародера. «Это мое», – тихим, немного скрипучим голосом пояснил тот. Но боевик больше не слушал. Он выхватил у худощавого парня из обеих рук то, что он нес, и отбросил к ноге конвоира. Потом подвел пленника к обочине, туда, где росла высокая и жесткая трава, и приказал: «Куше! Ложись!»

Уже тогда я знал, что именно сейчас произойдет. Не знаю, какое чувство у меня включилось, но я внезапно увидел ближайшее будущее этого полуголового мародера. Я даже сейчас, правды ради говоря, не уверен, что он был мародером. Тем более непонятно, почему я стоял,

молчал, смотрел, раздумывал и ждал того, что будет. Когда я спрашивал потом своего оператора, почему он начал снимать без команды, он сказал: «Так ведь ты просил еще раньше, чтобы я снял, как боевики наказывают уличных воришек. Помнишь, они заставляли их ложиться на землю и отжиматься». Это действительно так и было. В первый же день, а точнее вечер, в Буаке я заметил, как парни с оружием заставляли подростков делать отжимания прямо на первой круговой развязке на въезде в город, и солдат на чек-пойнте пояснил, что так они отучают подростков воровать.

Между мной и боевиком, уложившим в заросли травы худощавого мародера, было пять метров и оператор с камерой на плече. Вадим стоял, широко расставив ноги, и снимал этих двоих общим планом. На записи, снятой сплошным куском, видно, как боевик в красной феске продолжает командовать. Он говорит полуголому парню: «Ложись». Тот мямлит и твердит: «Не надо, я не мародер». Боевик отталкивает подозреваемого в мародерстве, парень оседает в заросли травы, продолжая умолять о пощаде. Человек в красной феске передергивает затвор «калашников» и коротко нажимает на спусковой крючок. Автомат сухо выплевывает две пули, и они разрывают черный покров кожи, под которым обнажается красная плоть. Парень опрокидывается назад и скрывается в траве. Видна лишь часть его худощавого торса и жилистая рука, которая все еще инстинктивно закрывается от ствола. Из травы доносятся хриплые утихающие стоны: «не надо», а боевик в феске продолжает нажимать на курок. Еще три выстрела, на черной коже появляются новые красные разрывы, и стоны прекращаются. Рука падает. В траве не заметно никакого движения. Боевик забрасывает автомат на плечо и неторопливо движется от обочины к толпе повстанцев возле джипа.

Я был в полном оцепенении, и при этом не испытывал ни малейшего страха. Тем более я не могу понять, почему я смотрел и не остановил этот акт «революционного правосудия». Мне говорят, что это было абсолютно невозможно, что боевики могли сделать с нами то, что сотворили с мародером, но я думаю, я уверен, во всяком случае сейчас, что это не так. Мы могли остановить эту расправу, хотя бы попытаться, но вместо этого молча выполняли свой профессиональный долг, фиксируя происходящее так, как будто бы это была не наша война. Теперь я знаю наверняка, что любая война, на которой ты оказался, должна стать твоей, иначе не получается.

Можно взять и прокрутить запись, сделанную в две тысячи втором, в обратном направлении. Боевик в красной феске спиной движется к обочине. Пули влетают в ствол автомата. Из травы поднимается черная рука. На коже одна за другой зарастают красные раны. Человек дергается и садится возле обочины. Он резко опирается на боевика и встает на обе ноги. Повстанец отдает вещи и возвращается к остальной группе. Такое можно увидеть только на телевизионном оборудовании после нажатия кнопки «rew», можно даже ускорить изображение, и мародер еще быстрее поднимется из травы, а боевик в феске резко отпрыгнет в сторону толпы таких же, как он, людей с автоматами Калашникова. Но реальность – это движущаяся только в одном направлении запись. Ее ни переделать, ни переписать, ни отмотать.

– Едем в кафе, – сказал наш водитель Патрис. Он тоже видел всю эту сцену и был напуган. Отъезжая от места, где был расстрелян подозреваемый в мародерстве, я краем глаза заметил, что в толпе боевиков появился Туо Фози. Он был вне себя от ярости. Размахивая пистолетом, он подскочил к человеку в красной феске. Что произошло дальше, я не знаю, Патрис давил на газ что было сил. Вскоре мы оказались возле единственной работавшей в городе гостиницы. Ее открыли специально для журналистов. В небольшой постройке было всего несколько номеров, и съемочным группам приходилось жить по несколько человек в одном номере. Мы, например, с водителем и оператором спали на одной кровати.

Подъехав к гостинице, Патрис выскочил из машины и забарабанил по металлическим жалюзи, закрывавшим вход в кафе напротив. Здесь мы обедали. У Патриса в кафе был поклонник. Вернее поклонница. Официантка с милым лицом и увесистой кормой, что несколько

затрудняло ее передвижение между столиками и давало повод острым на язык журналистам называть ее не иначе как «Скоростная Мари». На этот раз она действовала, вполне оправдывая это незлобное прозвище. Мари ловко подняла жалюзи, и Патрис, не дожидаясь, пока металлическая лента доползет до верха, пролез в образовавшийся просвет. Из-под ленты показалась черная водительская рука с ключами от машины.

– Все, моя работа на этом закончилась, я останусь здесь до конца командировки.

Мне нечего было Патрису ответить. Он приехал сюда по заданию агентства по аренде автомобилей, и его собственная судьба была для него дороже хозяйской жестянки на колесах.

Небольшая улица, с одной стороны гостиница, с другой – кафе. Однообразные и в то же время симпатичные фасады невысоких домов, за которыми еще недавно неторопливо текла комфортная жизнь в колониальном стиле. А теперь война. Она все ближе подкатывалась к желтым и розовым фасадам и наконец дошла и сюда. В промежутке между домами мелькнул бронетранспортер, за ним вслед еще один, и я понял, что в город вошли правительственные войска. Пулеметчики на броне стреляли во все, что движется, и мы укрылись за ближайшей изгородью, скорее из соображений маскировки, чем из желания оказаться защищенными от выстрелов. Разумом мы понимали, что глиняные заборы не смогут задержать пули крупнокалиберного пулемета. Бронетранспортеры промчались по направлению центральной городской площади, и мы с оператором решили осмотреться. Мы вышли на ту улицу, по которой только что пронеслась правительственная бронетехника, и повернули в сторону центра. И тут, совсем рядом с нашим перекрестком, я заметил лежащего человека. Мы подошли поближе. Одетый в невероятно грязные обноски, небритый чернокожий лежал на спине, неестественно подогнув колено одной ноги. В футболке на его груди была красная дыра, а из-под спины медленно текла кровавая струйка. Глаза неподвижно глядели в пространство перед собой.

– Слушай, – сказал Вадим, – это тот самый бомжеватый парень, который утром стрелял у меня сигареты. Все время крутился возле журналистов. Явно ненормальный попрошайка.

Я не знаю, почему лоялисты застрелили этого больного человека. Возможно, он бросился на бронетранспортер, а у страха, как известно, глаза велики. Солдат с оружием сначала стреляет, а потом думает. На всякий случай. Я положил ладонь на шею бедняги, чтобы проверить, не бьется ли пульс в вене, но под рукой была остывающая неподвижная плоть. И тут мне послышался вздох. Я отнял ладонь и посмотрел на лицо застреленного юродивого. Мышцы расслаблены, глаза широко раскрыты. Кровь все так же медленно и осторожно вытекает из большой красной раны.

– Ты что-нибудь слышал? – спрашиваю Вадима.

– Кажется, да, – взволнованно отвечает оператор.

Мы двинулись в сторону гостиницы. Я понимал, что человека нужно доставить в ближайший госпиталь, и для этого нужна достаточно большая машина, универсал или джип с просторным багажным отсеком и широким задним сиденьем. Такая была у съемочной группы Ройтерз. Я набрал телефон Маню, оператора Ройтерз.

– Послушай, Маню, тут человек ранен, его надо отвезти в госпиталь, сможешь мне помочь?

– Что нужно? – напряженно ответил Маню.

Эммануэль Браун, которого все коллеги называли не иначе как Маню, был легендой Африки. Пожалуй, ни одна война в западной части континента за последние десять лет не обошлась без его непосредственного участия. Его легко было узнать среди множества операторов, хотя бы из-за того, что любая камера на его плече казалась огромной. В общем, невысокого роста человек. И недюжинной смелости, судя по тем материалам, которые от него получало западноафриканское бюро Ройтерз. Я не сомневался, что Маню не откажет. Но он отказал.

– Машину я не дам, мне нужно снимать здесь, своей командой я рисковать тоже не хочу, это не наша работа – отвозить раненых.

Я слегка оторопел. Маню понял, что сказал совсем не то, что от него ожидали услышать, и заговорил более спокойно.

– Позвони в Красный Крест, в госпиталь, они обязаны прислать «скорую помощь». Пиши телефон.

И он продиктовал номер службы спасения. А время шло. Оно вытекало тонкой красной струйкой из черного тела.

– Алло, это госпиталь? – кричал я в динамик телефона.

– Да, это госпиталь. Что случилось?

– Здесь раненый! Заберите человека! – говорил я.

– Где вы находитесь? В каком районе?

Я назвал адрес нашей гостиницы.

– Побудьте на линии.

Время опять побежало ручейком долгих секунд.

– Вы еще слушаете? – вежливо переспросил голос.

– Да, я все еще на линии, – ответил я.

– Простите, – интонация голоса нисколько не изменилась, – но мы не можем приехать.

Вы сейчас на другой стороне линии фронта.

– Но здесь раненый! – закричал я.

– Раненых много, – голос оставался спокойным, – и мы не хотим, чтобы их стало еще больше, если наш персонал попадет под обстрел.

Короткие сигналы в трубке пульсировали вежливым отказом.

– Ну что? – на всякий случай спросил Вадим, хотя и так все было ясно. Женщина в больнице, которой мы примерно так же вежливо отказали в спасении. Человек, расстрелянный у нас на глазах, так и не спасенный нами. Может быть, раненый попрошайка – это наш шанс оправдаться перед собственной совестью. Я понимал, что не должен был просить Маню сделать то, что, возможно, должен был сделать сам. Глупо, спасая одних людей, подставлять под удар совсем других.

– Выгружай вещи из багажника «мицубиси», – сказал я.

– Что-что? – переспросил оператор.

– Выгружай вещи, – повторил я жестко. Жесткость нужна была, скорее, мне самому, чтобы я не отменил собственное решение.

Все наши чехлы, рюкзаки и баулы с техникой мы оставили в кафе, у Скоростной Мари. Я сел за руль и осторожно двинулся к перекрестку, оглядываясь по сторонам. Похоже, тихо. Выстрелы доносятся издалека. Я свернул налево и подъехал к подъезду дома, возле которого лежал раненый юродивый. Но его там не оказалось. Чуть впереди стояла машина Красного Креста. Все же доехали, подумал я и окликнул двух парней в белых балахонах. Один закрывал задние двери фургона, другой садился за руль. Они заметили наш «мицубиси», но подходить не стали.

Я подъехал к «скорой помощи» и, не вылезая из машины, спросил:

– Здесь был человек. Вы забрали его?

– А, это вы нас вызывали? – догадался водитель. – Зря.

– То есть?

– Застрелен.

– Но я был здесь до вас. Он вздохнул.

– Это бывает, – заметил санитар. – Так воздух выходит.

– Он как будто нервно выдохнул, – уточнил я.

– Я же сказал, так бывает, – повторил санитар, и бригада «скорой помощи» оставила нас одних возле бурого пятна. Мухи деловито суетились на асфальте. Нам здесь нечего было делать.

Если я на самом деле хотел спасти этого юродивого, я должен был сразу же, не ожидая ответа Маню и этих парней из Красного Креста, выгрузить свои вещи и положить на их место пробитое тело человека. А потом отвезти его в госпиталь. Хотя бы попытаться спасти несчастного. Но я ждал, желая, чтобы кто-то другой взял на себя бремя помощи.

Боевики выиграли битву за Буаке, и когда бой стих, мы напились. Вадим поспорил с французскими журналистами, что сможет залпом выпить бутылку виски. Он выиграл спор и в качестве приза получил вторую. Ее прикончил я.

Я вышел из кафе, где управляла Скоростная Мари, и направился к машине. Мне хотелось избавиться от мыслей о женщине в больнице. О расстрелянном мародере. О случайно убитом лоялистами бездомном юродивом. В руках у меня были ключи. Патрис ничего не сказал мне, хотя за «мицубиси» отвечал именно он. Вадим выбежал за мной вслед.

– Ты это зачем? – нетвердо спросил он.

– Я? – так же нетвердо ответил я. – Кататься.

– Тогда я покатаюсь с тобой.

Мы проехали по вероятным маршрутам правительственных бронетранспортеров, которым пришлось, в конце концов, удирать из Буаке. О том, что мы следуем верным курсом, говорил всевозможный военный мусор, то тут, то там встречавшийся нам на пути. Гильзы от патронов крупного калибра, следы выстрелов на стенах домов, остовы сожженных автомобилей на перекрестках. И ни одного человека в мерцающем желтом свете дорожных светофоров. Даже в самые жаркие дни боев за Буаке светофоры продолжали работать, мерцая желтым светом, который, согласно местным правилам дорожного движения, сигналил водителям: «Будьте внимательны!». Любому, кто оказывался на открытом пространстве, следовало прислушиваться к пульсирующей просьбе светофоров. В случае опасности следовало уступить дорогу стреляющей бронетехнике. Да и в принципе понимать, что человек с оружием сегодня имеет на дороге преимущество.

Мы затормозили как раз перед группой таких людей.

– Что случилось? – развязно и нагло спросил я, выйдя из автомобиля, и хлопнул дверью. В воздухе пахло чем-то горелым.

– Да вот, поймали в плен жандармов! – сказал кто-то из толпы боевиков. Оператор тут же схватил камеру и бросился в центр толпы. Она расступилась. В центре я увидел потухший костер. Дрова были разбросаны вокруг нескольких бетонных блоков. На серых раскаленных блоках лежали два черных манекена в неестественных позах. Они были привязаны чем-то вроде стальных тросов. Вскоре стало ясно, что черные голые тела – это вовсе не манекены. Все говорило о том, что пленных жандармов привязали тросами к блокам и развели вокруг них огонь. Я моментально протрезвел.

– У тебя классные часы на руке, – сказал мне один из повстанцев. Я в ответ сказал ему что-то довольно резкое. Конечно, это было опасно и глупо, но в тот момент я ничего не мог поделать с собой. Чувство самосохранения работало со сбоями. Но повстанец никак не отреагировал на грубость. Я сел за руль «мицубиси», Вадим рядом. Несколько секунд спустя я услышал, вернее осознал включившимся разумом, что в машине грохочет хард-рок. Динамики включены на полную мощность. Мы катались по Буаке под неистовые рулады соло-гитары. Когда выходили из машины, то магнитофон, конечно, даже и не подумали выключить. Назад, к кафе, где Патрис находился под защитой Скоростной Мари, мы ехали молча и в тишине.

А спустя некоторое время вместе с Грегуаром Деню выехали прочь из Буаке. Усталый повстанец на чек-пойнте не хотел нас выпускать, даже слегка потыкал в живот автоматом в знак того, что, мол, не положено покидать пределы Буаке, но мы уговорили его, упросили пустить поснимать окрестные деревни. Как только блокпост скрылся за излучиной дороги, мы тут же припустили по разбитым проселкам в сторону Ямусукро, а затем Абиджана. Я подумал о том, что с той женщиной из больницы сложно было бы объяснять что-либо на выезде. Повстанцы

сразу бы поняли, что на самом деле мы едем в ближайший крупный центр на другой стороне. По дороге встретили мобильный патруль Иностранного легиона.

– А, земляки, – услышал я из открытого джипа.

Парень, сидевший рядом с водителем, представился, но его имени я не запомнил, а запомнил только, что он из Харькова и что он дежурил на радиоперехвате и слушал наши телефонные переговоры. Похоже, это он сообщил своему лейтенанту о том, что украинские журналисты настроены вполне позитивно и им можно позволить снимать в расположении Легиона.

У меня было двойственное чувство по отношению к легионерам. Они прикрывали нас и дежурили на этой дороге, зная о том, что отсюда попытаются прорваться журналисты. Они готовы были вмешаться и открыть огонь в случае, если бы нас попытались задержать силой повстанцы. Но, с другой стороны, легионеры пропустили в город правительственные войска, а значит, жизни тех, кто не дожил до конца этой войны, отчасти и на их совести.

Вечером того же дня мы были в Абиджане, и я узнал от охранника гостиницы, в которой мы решили остановиться, значение незнакомого слова, которое я услышал в осажденном городе повстанцев. После рассказа Хамаду Саре стал отчасти понятен секрет бесшабашной смелости боевиков, которые, не пригибаясь, ходили под обстрелом и спокойно отвечали на все наши вопросы. Охранник рассказывал и одновременно показывал, сопровождая все свои слова прыжками и боевыми стойками: «Что такое «гри-гри»? Ты можешь ударить меня так, чтобы я упал. Но я встану, и на мне не будет и царапины. Ты можешь рубануть по моей руке мачете, но рука останется на месте. Ты можешь выстрелить в меня, но пуля пройдет мимо, даже не задев меня. Вот что такое «гри-гри». Белый человек тоже может попросить у мастера сделать для него «гри-гри», но вряд ли амулет будет защищать его».

А потом показал у себя на плече небольшое кольцо из кожи буйвола с особой травой внутри. Эта трава, говорят, растет в Буркина-Фасо, и только там местные знахари смогут заставить работать амулет. Такие я видел на боевиках, в том числе и на тех, кого поразили пули правительственных сил.

Об этом я сказал Хамаду. У охранника тут же нашлось объяснение: «Если бы эти люди могли соблюдать табу, все было бы в порядке. Например, не спать с женщинами по пятницам. Или не есть мяса. Все зависит от того, что тебе скажет человек, изготавливающий амулеты. Всем его предписаниям нужно следовать очень четко».

Перед вылетом из Кот-д'Ивуара я отдал часть своих материалов Бруно, корреспонденту Франс Де в Абиджане. Сцена расстрела мародера была среди них. Погибшего юродивого и разговор с женщиной в госпитале Бруно не взял. Он, возмущаясь жестокости повстанцев, копировал для меня свое видео. Обмен получился неравным. Нам подарили гораздо больше ценных кадров, чем мы отдали французам взамен.

С тех пор я не виделся с Оливье Роже, но часто, бывая в Париже, набираю его номер и передаю с оказией водку. Как правило, той же марки, что стояла у нас на столе той ночью, перед тем как нам удалось въехать в город повстанцев. Однажды передал напиток через улыбчивую девушку за конторкой отеля. Девушка была чернокожей, и, судя по мягким поющим интонациям, из Западной Африки. «О, вы такое пьете? – пошутила она, упаковав подарок в бумажный пакет. – Повторите, пожалуйста, имя вашего друга». И я написал его на пакете, кажется, еще раз проверив надежность упаковки.

ИНТЕРВЬЮ В ТЕТОВО

Македония, 2001 год

Я приехал сюда с таким странным чувством, будто вернулся домой. Тетово – это самый албанский из всех македонских городов и в то же время самый македонский из всех албанских. Давно я здесь не был. С марта две тысячи первого. И мне кажется странным, что люди совершенно свободно пересекают площадь в центре города, а не прижимаются к стенам. Я вижу их, беспечно жующих гамбургеры, и мне хочется крикнуть им: «Осторожно! Прячьтесь! На горе снайпер!» Но в горах больше нет снайперов, и с позиций в низине никто не отвечает минометным огнем. Еще в марте четыре украинских вертолета уничтожили позиции боевиков. Винтокрылые машины поднимались с аэродрома примерно в полдень и день за днем выпускали ракеты по окрестностям албанских сел. Я помню, как тогда один из бойцов УЧК, албанской Национально-освободительной армии, сказал мне, что хотел бы подержаться за шею украинца. Ближайшая украинская шея находилась совсем рядом, всего в полуметре, но мой собеседник никак это не мог определить.

Сейчас – никаких снайперов и никаких ракет. На этот раз мой албанский проводник знает, кто я по национальности.

Мы сидим в кафе и говорим о семьях, детях, о том, как нынче сложно найти хорошую школу, о женах, которые – такие-сякие! – уж очень активно тратят деньги, о том, чем «опель» отличается от «мерседеса» и почему «Динамо» в этом сезоне играет круче, чем в прошлом. В общем, обо всех тех вещах, о которых любят поговорить все мужики, независимо от цвета кожи, национальности и вероисповедания.

Мы сидим на веранде албанского кафе и наблюдаем, как вдоль по улице, примыкающей к центральной части города, прогуливаются полицейские. Некоторых, похоже, я уже видел раньше. С «калашниковыми» наперевес, в камуфляже УЧК. Теперь они гладко выбритые стражи закона. Рядом с нами, попивая чай, сидит группа бородачей. Эти до сих пор не сменили свои пятнистые костюмы с красными нашивками албанской Национально-освободительной армии. Но они, похоже, без оружия. Вряд ли среди них команданте Илири, тот самый человек, с которым, возможно, сегодня у меня получится интервью.

Илири командовал группой албанских боевиков, которые называли себя сто двенадцатой бригадой «Муьдин Алью». Их было человек, примерно, пятьсот. В марте две тысячи первого Илири грозился взять Тетово штурмом. Шесть месяцев спустя, в сентябре, в селе Бродец, сдал несколько сотен старых «калашниковых» офицерам НАТО. В качестве жеста доброй воли и для поддержания режима прекращения огня.

Натовские офицеры, принимавшие оружие у боевиков, держались с ними, как с равными. В смысле, мы солдаты и вы солдаты. От рабочих-венгров, распиливавших оружие в соседнем Криволаке, я услышал, что, мол, оружие старое, что боевики сдали лишь десятую часть того, что у них было. И что остальное по-прежнему в руках партизан. Или же припрятано где-нибудь в Косово.

В этом небольшом городке Криволак я разговорился с британским солдатом. Рядовой Том Смит выглядел слегка растерянным и напряженным, когда я просил его высказать свою точку зрения на политическую ситуацию. Он покраснел и с трудом выговорил несколько предложений, достойных сочинения троичника средних классов, из которых следовало, что мир здесь никак не могут поделить между собой хорошие парни и плохие парни. Но Том тут же превратился в настоящего эксперта, когда речь зашла о вооружении, которое он, собственно, охранял. Здесь можно было увидеть почти что любой из видов оружия, которым в свое время пользовалась Югославская народная армия. Оружие было, в основном, советского производства или же сделанное по лицензии. АКМ и АК в разных вариациях, югославские пулеметы

М-53, советские снайперские винтовки СКС и СВД. А также старинные ППШ, напомнившие о временах Второй мировой. Откуда все это у боевиков, догадаться несложно. Пулеметы и снайперские винтовки остались в горах после того, как отсюда ушла югославская армия. Новенькие «калашниковы» перешли в руки боевиков после того, как разгневанный народ соседней Албании устроил на военных складах день открытых дверей. Кажется, это было в девяносто пятом, но вполне возможно и позже.

«Что это за ракеты?» – спросил я Тома.

«SAGEM-82, управляемые, противотанковые, – уверенно заговорил Том. – Радиус действия примерно две тысячи метров».

«Чье производство?»

«Выглядят, как русские», – оценил солдат.

«А это снайперка-самоделка?» – продолжал допытываться я.

«О да. Прикольная конструкция. Очень мощная штука. Калибр двенадцать и семь десятых», – с восхищением ответил он.

«Так это самоделка?»

«Точно. Смотрите сюда, – британец, похоже, разобрался в оружии, – ствол и патронник от пулемета Маузера. Они только заменили спусковой механизм. Это пулемет, переделанный в снайперское оружие».

Ружье впечатляло. Возможно, как раз именно его использовали снайперы, с гор обстреливая центральную площадь в Тетово.

Сидя в тетовской кофейне, я вспомнил о рядовом по имени Томас, когда заметил, как человек в камуфляже вытаскивает новенький гранатомет из багажника своего черного «мерседеса». Надо использовать свои знания в области вооружения во время разговора с Илири, подумал я и хотел было дать знак оператору, что хорошо было бы отснять этот момент. Но оператор, который тосковал без коньяка, сосредоточенно разглядывал содержимое своей чашки и гранатомета не заметил. В этой части города алкоголь не наливали.

«Интервью будет в обеденном зале», – услышал я голос за спиной. Говоривший оказался человеком с квадратными плечами под замшевым пиджаком. Небритый. Манеры военного человека, но невысокого ранга. Не команданте. Не Илири.

Илири ждал нас в пустом зале. С самого начала меня удивил его возраст. Не больше тридцати. Ни лицом, ни манерами это не был стереотип албанского партизана. Его светлые рыжеватые волосы были уложены так, словно он собирался оттянуться в ночном клубе где-нибудь в Амстердаме. Миндалевидные карие глаза, рот с полными губами и щеки, выбритые, можно сказать, идеально.

«Украинцы?» – спросил он.

«Да, мы из Украины», – ответил я, вспомнив с тревогой о своей шее.

«Ну, тогда вам известно о ваших вертолетах. И ваших пилотах. Но вот то, чего вы не знаете. В марте они стреляли по гражданским. По селам. Своих людей я увел отсюда без потерь».

В марте албанские боевики периодически обстреливали город из крепости Кале. Казалось, оттуда их было невозможно выбить. Однажды на рассвете в Тетово вошли танки. Старые Т-55, направляясь к подножию невысоких гор, срывали асфальт на улице Маршала Тито. Мелкие каменные брызги вылетали из-под гусениц и градом стучали по одежде. Армия атаковала деревни Гайре и Джермо, когда солдаты внезапно встретили ожесточенное сопротивление. Резервисты, спешно собранные по всей Македонии, внезапно увидели реальное лицо войны и в какой-то момент испугались его оскала. Но моральный дух солдат тут же поднялся, когда резервисты увидели в небе два вертолета Ми-17.

Они поднялись над городом, покружились над Кале и выпустили по ракете в сторону албанских позиций.

Албанские снайперы замолчали, и вертолеты вернулись на аэродром в Скопье.

В тот вечер коллеги из CNN сообщили, что российские вертолеты с украинскими экипажами атаковали албанских боевиков. Вертолеты были украинскими, и вся журналистская братия об этом знала. Перед мартовской атакой Украина подарила Македонии четыре винтокрылых машины и оказалась единственной страной, предоставившей военную помощь македонцам. Македонское правительство утверждало, что хотя вертолеты и были украинскими, их пилотировали местные экипажи. Даже тогда я был убежден, что часть персонала наверняка приехала из Украины. Пилоты должны были иметь солидный опыт боевых действий и выполнять сложные маневры, чтобы уходить от возможных атак переносных ЗРК типа советской «Стрелы» или американского «Стингера». Кстати, рядовой Томас показал мне несколько добровольно сданных «Стрел». Я насчитал семь вполне пригодных к работе зеленых тубусов. Сколько их осталось в горах, неизвестно.

Во время боевых действий штаб-квартира УЧК, Ushtria Çlirimtare Kombëtare, Национально-освободительной армии, находилась в селе Радуша. Здесь каждая албанская семья отправила, как минимум, по одному мужчине на партизанскую войну и каждая семья поддерживала партизан. Македонцы до сих пор не слишком любят появляться в Радуше.

Нешет Байрами, слегка нервный молодой человек, дежурил в засаде, когда македонская армия появилась на сельской околице. Ему приказали определить снайперские позиции македонцев.

«Это все?» – спросил его я.

Нешет пожал плечами. Он предвидел следующий вопрос и не хотел говорить о том, скольких славянских парней застрелил.

«Мы удерживали левый берег реки. Они правый, – словно не обратив внимания на мой вопрос, продолжал Нешет свой рассказ. – Они не могли определить наши позиции, а мы опасались появляться на территории, которую они контролировали. Но потом мы увидели два вертолета. Они зашли со стороны гор, разбрасывая тепловые ловушки. Они сделали пару кругов и обстреляли наши позиции. Они тут прочесали все в округе. Вокруг сплошные осколки. Но у наших парней не было почти ни одной царапины, за исключением меня. Осколок попал мне в колено. Затем вертолеты развернулись и выпустили ракеты по мечети».

Другой свидетель атаки, фермер Даут Казими, описывал эти атаки немного иначе. Мы привезли его на то место, где старик попал под ракетный обстрел.

«Я стоял на автобусной остановке, вот здесь. Внезапно я услышал ужасный шум мощных двигателей и увидел, как два вертолета поднимаются из-за холмов. Они летели на низкой высоте, и было понятно, что они готовятся к атаке. В общем, я понял, что будет что-то очень серьезное. Я перебежал на другую сторону дороги, там мне показалось немного безопаснее, и вот тогда вертолет выстрелил несколько раз. Я услышал много громких разрывов, один за другим. Меня накрыло комьями грязи. Потом я увидел дым и огонь. Три дня я не мог слышать и почти ничего не видел».

В районе Радуши македонские силы безопасности и албанские боевики были по разные стороны небольшой речушки. На «македонской» стороне некогда находился лагерь беженцев из Косово. Занять эти бараки было делом не из легких. Косовские албанцы, удерживавшие лагерь, оказали серьезное сопротивление. После двух суток интенсивных перестрелок македонские силы окружили наконец Радушу, оплот УЧК.

Но солдатам не хватало духа форсировать реку и полностью захватить албанское село. У албанцев, похоже, желания сражаться было в избытке. Где находятся позиции боевиков, армия знала лишь условно, приблизительно. Вертолеты целились по мосту, соединявшему берега реки, в надежде изолировать албанцев и обезопасить свои фланги. Мост разбили, но фланги не обезопасили. Когда я был в Радуше, то заметил, что в качестве моста жители села по-прежнему используют металлическую конструкцию, напоминавшую срубленную опору линий электропередач.

Македонцам не хватало разведанных, чтобы точно определить перемещения партизан, которые получали регулярную помощь из Косово. И могли переправить туда раненых. Солдатам казалось, они воюют против крутых парней. Псевдоним человека, который командовал «крутыми парнями» в Радуше, хорошо известен. Месуси, по-албански «Учитель».

Рафиз Алити на момент нашей с ним встречи был уважаемым политиком. Все-таки «номер второй» в списке Партии демократической интеграции, созданной, чтобы формально заменить УЧК на политической арене. Его до сих пор называют Месуси, причем не только друзья и братья по оружию. Месуси был учителем физкультуры в сельской школе в Радуше, и когда село окружили солдаты, собрал небольшой отряд из своих учеников. В то время украинцам никто не смог бы гарантировать безопасность, если бы они оказались в Радуше. Впрочем, для встречи с Месуси не было необходимости отправляться в горное село. Месуси стал легальным политиком и завел себе кабинет в комфортном Тетово.

«Вы хотите знать, сколько наших бойцов погибло в результате ударов с воздуха? – переспросил он меня. – Возможно, вы не поверите мне, но я скажу вам. Ни одного. Семеро были ранены. Один потерял руку. Все боевики – это мои бывшие ученики. Когда мы начали собирать ополчение, их было не больше дюжины. Но вскоре отряд вырос до четырехсот человек».

Я хотел докопаться до правды, а кто же были те пилоты, которые пилотировали вертолеты над Тетово. Согласно официальной версии, пилоты, граждане Македонии, прошли подготовку на одной из баз в США. Но если это так, логичнее было бы купить вертолеты у американцев. Один из украинских дипломатов, на условиях анонимности, сообщил, что за штурвалами украинских машин были безработные сербские пилоты, которым Македония в срочном порядке предоставила гражданство и запределные зарплаты.

Македония преследовала меня. Несколько месяцев спустя после встречи с Илири и Месуси я оказался в Сьерра-Леоне. Если вы не знаете, где это, представьте себе Атлантический океан, белый песок под пальмами и очень много искалеченных свежей войной чернокожих людей. В общем, это Западная Африка. Небо здесь принадлежит тем, кто говорит на русском. Пожалуй, только выходцы из бывшего СССР могут хорошо себя чувствовать в небе над Африкой.

Я провел с ними много времени в воздухе и, пожалуй, не меньше на земле, включая и долгие военные застолья. Во время одного из таких застолий крепкий мужик рядом произнес словно между делом: «Югославы летают не хуже нас. Сербь, например, или вот македонцы».

Через минуту мы были уже знакомы. Полковник Игорь Шендрыгин. За его спиной сложнейшая операция по локализации Чернобыльской аварии, война в Афганистане, операция в Косово. Ну и, конечно, Западная Африка. Тут же, за столом, я выяснил, что полковник был в командировке в Македонии. Ого. Шесть месяцев, как раз в то самое время, когда там оказался и я. Март две тысячи первого. И у меня появилась смутная надежда на то, что Шендрыгин расскажет мне правду о том, кто атаковал албанские позиции.

«Так это вы обстреляли Гайре?» – как бы невзначай спросил я летчика.

«Ну, тогда об этом было очень много слухов, – уклончиво ответил мой внезапный собеседник. – До нас даже доходило, что албанцы собираются повесить нас на лопасть наших собственных вертолетов».

Я вспомнил еще раз эти машины и нашел в архивах моих воспоминаний еще один файл под названием Ми-17. Это было в девяносто девятом. Для миссии в Косово нужно было предоставить вертолеты. Украина отправила несколько своих Ми-17. Аэродром в Скопье был удобной точкой подскока – для дозаправки и отдыха экипажей. Машины приземлялись под проливным дождем. По странной причуде сложившихся обстоятельств я был там, под Скопье, на бывшем танковом полигоне, ранней осенью девяносто девятого. Машины так уверенно сели на грунтовой площадке, и летчики бросились пожимать нам, журналистам, руки.

А потом, два года спустя, мы снова увидели эти машины. И снова в македонском Скопье. Поистине как дивно складываются обстоятельства. На этот раз машины выглядели более грозно. По бокам подвески с ракетами. Из окон угрожающе выглядывают пулеметы. За ними угадываются силуэты пулеметчиков в масках. Македонский офицер, представлявший публике вертолеты, сказал, что эти парни опасаются мести со стороны албанцев, потому и сохраняют анонимность. Он так и не сказал, что за люди входят в экипажи этих вертолетов.

«Спецназ? Наемники? Военспецы?»

«Просто хорошие люди и патриоты», – и этим мы должны были удовлетвориться.

Вслед за его словами на горизонте появились еще два вертолета. Более мощные. Я разглядел, что это были Ми-24 с македонской символикой.

«А эти тоже из Украины?» – спросил я офицера-распорядителя. Тот в ответ сдержанно кивнул.

И тут на военной площадке аэропорта появился премьер-министр Македонии собственной персоной, самый молодой премьер в истории Европы. Кажется, парня звали Любчо, а фамилия молодого человека была Георгиевски. Он тут же, улыбаясь, отыгрывая политический оптимизм на объективы камер, энергично подошел к вертолетам. Парни в масках, казалось, чуть привстали из-за своих пулеметов, как музыканты над пюпитрами при появлении дирижера. Но нас, честно говоря, мало интересовал премьер, пусть молодой и подающий надежды. Я не знал тогда Шендрыгина. Но был уверен, что всего в нескольких метрах от нас, за бетонной стеной ангара, украинцы готовят вертолеты к боевым вылетам.

Был ли Шендрыгин среди тех, кто выпускал ракеты по албанским позициям? Или только готовил машины на аэродроме?

За гостеприимным столом в Сьерра-Леоне я рассказал полковнику о моем албанском проводнике, так мечтавшем подержаться за украинскую шею.

«А что, если бы вы во время службы в Македонии встретили такого любителя украинцев?» – спросил я Шендрыгина.

«Я думаю, что нормальный человек не может быть настолько агрессивным», – он технично уходил от прямого ответа.

«Но я имею в виду боевика, а не нормального человека», – настаивал я.

«Боевики, говорите? – Шендрыгин заговорил с некоторым напряжением. – Когда я был помоложе, я имел дело с боевиками. В Афганистане. Думаю, я смогу постоять за себя».

«Вы чувствуете ненависть к этим албанским партизанам?»

«Нет. Ненависти нет. Война – это всегда грязная политика. Но мы ведь не политики. Мы солдаты».

В июне две тысячи первого война уже заканчивалась. Европа была спокойна. Стало ясно, что на стороне боевиков моральная поддержка всего демократического мира.

Македонцы остались наедине со своей войной. И своими вертолетами. Впрочем, все факты говорили о том, что боевиков поддерживали не только морально. В селе Арачиново македонские силы блокировали примерно полтысячи боевиков. Вертолеты, подаренные Украиной, вполне могли заставить боевиков сдаться. Что они и попытались сделать, обстреляв албанский поселок.

Боевики готовы были сдаться. Но тут на сцене появились американские солдаты вместе с десятком туристических автобусов. Всем стоять! Прекратить огонь! Орудия зачехлить! Боевиков усадили в автобусы и увезли в неизвестном направлении. По информации македонских военных, среди всей этой партизанщины оказалось несколько иностранных инструкторов с американскими паспортами. А может, это и не были инструкторы. Не исключено, что среди боевиков УЧК находилось немало албанцев с американскими паспортами. Конечно, никто и никогда такую информацию не смог бы подтвердить. Кроме самих американцев. Но они, как известно, своих не бросают и в обиду не дают даже во имя идеалов свободы и справедливости.

«Что за вертолеты вылетали в район Арачиново? – спрашиваю я Шендрыгина во время сьерра-леонской пьянки. – Ми-17 или Ми-24?»

«Я не могу сказать наверняка. К тому времени мой контракт уже закончился, – он не особенно долго раздумывал над поиском ответа. – Я думаю, оба типа машин. Но кто бы туда ни летал, я думаю, своей работой парни могут гордиться. Они сумели защитить интересы своей страны».

Я попробовал представить себе, а что бы мог сказать Игорь Шендрыгин, если бы оказался за одним столом с команданте Илири. А ведь теоретически это было возможно. Если бы Илири и остальные албанские команданте решили захватить Скопье, главный город Македонии.

«У меня хватало людей, чтобы взять Скопье, – хвастался тридцатилетний команданте в албанском квартале Тетово. – У меня достаточно оружия, чтобы сделать это. Но я этого не сделал, и знаете почему? Потому что мы люди доброй воли. Мы хотим политического диалога, а не войны. Мы хотим мира в Македонии, даже несмотря на то что македонцы провоцируют нас на боевые действия. Они создали нелегальные военные формирования. Вы, надеюсь, слышали о Тиграх. И мы сейчас требуем их полного разоружения. Вместе с УЧК».

«Но УЧК – это тоже незаконное вооруженное формирование», – я не удержался и перебил команданте. Переводчик несколько напрягся, видно, реплика с трудом переводилась на албанский.

«УЧК – армия народа, – ответил Илири. – Мы выражаем интересы всего албанского народа. Люди доверяют мне. И если бы это было не так, я бы не занимал столь высокое положение».

Я знал местных Тигров, хотя, если честно, не всех, а если совсем честно, то только одного. Но зато самого главного, известного всей округе под прозвищем Зуйка. Он говорил мне о том, что каждый мужчина в славянской части Тетово неплохо вооружен. В каждом доме есть пара «калашниковых». В подтверждение своих слов Зуйка вынес во двор за двухэтажным домом два хорошенько смазанных автомата со снаряженными магазинами. Это для самозащиты, настаивал Зуйка.

«Это все против агрессии НАТО. А знаешь, откуда она надвигается?»

Я не знал.

«Из Косово. Все, что здесь происходит, затеяли косовские боевики. Им не нужна македонская граница. И я выполняю свой долг по защите родины».

«А при чем здесь НАТО?» – переспросил я.

«НАТО поддерживает оружием косовских боевиков. Сначала мы уберем отсюда НАТО. Потом наведем порядок».

Я, слушая Тигра, вспоминал очень резкие слова Али Ахмети, лидера УЧК и непосредственного начальника команданте Илири: «Если в рыбьих мозгах этих македонцев возникнет мысль о мести, если они попытаются заставить НАТО уйти отсюда, мы им закрутим все гайки. Они круто ошибаются. Все албанцы объединились против них».

В словах Ахмети есть доля правды. В албанских селах Национально-освободительную армию считают своей. Голос крови громче голоса разума. Эдмонд Лимани из села Арачиново говорил мне, что не может простить славянам бомбардировки с воздуха.

«Я не знаю, может ли быть после этого какое угодно подобие дружбы между албанцами и македонцами, – бормотал он задумчиво, словно не обращая внимания на то, что его слова записывает камера. – У нас была война, и она еще не закончилась. Я не знаю, надолго ли у нас мир. Македонцы и албанцы водят своих детей в разные школы. Нет любви теперь между нашими народами».

Илири согласился поговорить со мной не из любви к украинцам и даже не из желания быть услышанным. Нам удалось найти его через предприимчивого сербского таксиста из Скопье. И серб нашел нам нужного человека. За триста долларов.

«За деньги можно сделать все», – хищно улыбался таксист, когда вез нас на своем «мерседесе» в албанское кафе. А в Тетово он нашел албанского переводчика, дал ему немного денег из полученного гонорара и усадил нас в кафе. Ждать Илири.

Война теперь ведется иначе. И в этой войне македонцам почти невозможно победить. В албанских кварталах возникла параллельная власть. И эта власть принадлежит бывшим лидерам УЧК. Конечно, здесь можно увидеть обычных полицейских. Но они ходят с очень грозным видом в нескольких метрах от подпольных тюрем, где боевики содержат заложников. Точнее не заложников, а людей, нарушивших параллельный закон, который, как правило, всегда работает. В отличие от основного закона.

«У нас везде есть свои люди, – сознается Илири. – Даже в полиции. У нас целая сеть информаторов, подконтрольных нашим структурам. Но сейчас идет разоружение, и нам не хватает людей».

Удивительно. Шеф тетовской полиции тоже жалуется на отсутствие людей под его контролем. Это называется «эскалация мирного процесса». Стоит опять развернуться открытым боевым действиям, и с обеих сторон желающих повоевать окажется в избытке. На бетонных стенах в славянских кварталах я то и дело натываюсь на коряво написанный лозунг «Сатарите за шиптарите», что на русский можно перевести примерно так: «Мочите албанцев». На стенах албанских домов тоже не очень мирные граффити. Виселицы с людьми в македонской военной форме. Одни выбирают нож, для других сподручнее веревка. Но и те, и другие чуть что, хватаются за «калашниковы». Автоматы намного вернее.

Помнится, я уловил несоответствие в словах Илири и цифрах распиленного в селе Криволак оружия. Команданте утверждал, что сдал полтысячи автоматов. Примерно столько же, ну, может быть, чуть больше, было отправлено на металлолом под надзором офицеров НАТО. Но ведь с македонцами воевала не только бригада «Муйдин Алью» под командованием Илири. «Где же остальное?» – удивлялся я. Но удивляться не стоило. Так мне посоветовал Виктор Ганущак, командир украинско-польского батальона, который с косовской стороны следил за нелегальным перемещением оружия.

Ганущак зафиксировал, что в Косово стало больше оружия.

«Понимаешь, в чем штука? Когда мы здесь начинаем его искать, оно уходит назад в Македонию, – так говорил командир. – Когда его пытаются конфисковать на той стороне, оно все идет к нам».

Солдаты Ганущака как-то поймали албанца, который возил в багажнике минометные мины.

«Этого парня просто подставили нам, – размышлял Виктор. – Основной караван прошел где-то в другом месте. Они везут из Македонии все подряд. Мины, снайперские винтовки, автоматы, пулеметы, боеприпасы. Все это тащат на лошадях через горы. Иногда несут на собственных спинах. Мы задержали десятки людей и сотни единиц оружия. У нас есть свои информаторы здесь, в Косово. Но лучше бы они у нас были на другой стороне».

С Виктором мы встретились в сентябре две тысячи первого. Год спустя я был удивлен, узнав от другого офицера украинского контингента в Косово, что оружие продолжают возить через горы. Правда, теперь уже в Македонию. Трафик меняет направление. Разоружение, похоже, никогда не станет реальностью. В этом есть нечто сверхрациональное. Наверное, просто бизнес.

«Мы не хотим, чтобы гибли мирные граждане. Но поймите, что это война. Жертвы неизбежны», – спокойно говорил Илири в банкетном зале тетовской кофейни. Его телохранители слегка опустили глаза, словно сожалели о тех, кого случайно заделали пули и мины с гор.

«Вы говорите о том, что война еще не закончена?» – переспросил я команданте. Переводчик сделал вид, что не расслышал мой вопрос. Он занервничал, видимо, испугался возможной реакции команданте. Тот воспользовался возникшей паузой и встал.

«Добро пожаловать в Македонию, украинец, но только не на вертолете», – Илири улыбнулся и протянул ладонь с аккуратно постриженными перламутровыми ногтями. Мягкое исчезающее рукопожатие с едва уловимым усилием в самом конце. Амстердамская стрижка команданте мелькнула за широкими квадратными спинами суровых телохранителей. Илири направился к выходу. Я быстро последовал за ним. Оказавшись перед кафе, я успел заметить, как команданте садится в черный «мерседес». Тот самый, из которого достали новенький гранатомет. Всего за полчаса до интервью.

* * *

Только несколько лет спустя я узнал настоящее имя команданте Илири. Его звали Иса Лика. Когда команданте застрелили в Тетово, в две тысячи шестом, ему было тридцать три.

ПОСЛЕДНЯЯ ИРОГАМИ, НАПИСАННАЯ НА ЗАКАТЕ И ДОЧИТАННАЯ НА РАССВЕТЕ

Вы думаете, нежная, как рисовая бумага, японская поэзия о любви? В ее лаконизме есть что-то общее с полузабытым искусством «иаи-до» – умением одним движением выхватить меч из ножен и разрубить противника от плеча до пояса. Я читал сборник ирогами, средневековых поэтических импровизаций, когда она, сидя на смятой простыне, тихо сказала:

– Возьми меня с собой на войну.

– Что? – не расслышал я.

– Возьми меня с собой на войну, – повторила она, обхватив руками круглые свои колени.

В спальню сквозь давно невымытые стекла едва пробивался рассвет. Он внимательно ощупывал мой рюкзак, стоявший возле двери. Черно-зеленый рюкзак был чем-то похож на старого солдата, который все время ждет приказа и поэтому спит в камуфляже. Я уже знал, что скоро скомантую «на плечо» и затяну лямки, чтобы не болтались.

– Зачем тебе это нужно? – спросил я ее.

– Мне нужно это видеть, – глотая слова, произнесла она.

– Что видеть?

– Это. Это.

Говорят, женщины более жестоки, чем мужчины. Думаю, что более любопытны.

– А ты не боишься? – задал ей я глупый вопрос, на который и сам вынужден был давать ответ слишком часто.

– Боюсь, – просто ответила она, – но мне надо это видеть.

Я ее взял с собой. Потому что с рассветом, между строчек ирогами, увидел тени другой войны. И другой женщины, которая была так похожа на нее, сидевшую, обняв колени, на моей смятой постели.

Япония, 1189 год

Она была уродиной. Ни у одной женщины не было такой большой груди, которая нависала над оби, словно двойная вершина горы Асахияма. К тому же она отличалась необыкновенно высоким ростом и большеносым лицом. Правда, Сюдзей, придворный поэт, говорил, что такие великаны живут где-то за морем, где по вечерам покрасневшее солнце упирается в край земли. Этому были и косвенные подтверждения. Конюх сегуна, Дзинтаки, говорил, что мать Нидзе подгуляла с каким-то странным купцом огромного роста и с рыжей бородой. А потом этого купца посадили на кол прямо возле пристани, сразу же после того, как тот ступил на берег острова с палубы своего неуклюжего корабля. Но Дзинтаки был известным сплетником, к тому же непонятно, как у рыжебородого здоровяка хватило времени, чтобы перед наказанием успеть насладиться прелестями красавицы Оно. В общем, Нидзе была уродиной, но это ей нисколько не мешало входить во дворец на холме тогда, когда она захочет, и покидать постель Минамото Еритомо тогда, когда ей вздумается.

Еритомо прощал ей все. Даже то, что в его опочивальне она никогда не снимала кимоно, так что могущественный сёгун ни разу не видел ее тела полностью. Она лишь иногда ослабляла оби, чтобы движения были свободнее, но снова затягивала широкий пояс, когда сегун издавал последний могучий крик перед сном. «Я знаю, как сделать, чтобы у любви не было продолжения», – говорила она всякий раз, когда ее служанка, упиравшись коленом в спину госпожи, тянула пояс так, что у новой жизни, которая могла появиться в ней, просто не оставалось ни глотка воздуха. Служанка чем-то походила на свою госпожу. И хотя у нее не было таких широких глаз и большого носа, ростом она была не меньше тех чужестранцев, о которых говорил Сюдзей.

Эта самая служанка могла порассказать многое о своей хозяйке. Например, то, как она, переодевшись в кожаные доспехи, скакала весь день и всю ночь напролет к Нара, чтобы увидеть, как рыцари Минамото вгоняли свои мечи в рыцарей Тайра. А потом внимательно глядела на усталых воинов, мочившихся и испражнявшихся возле тел своих врагов, – не потому, что те хотели надругаться над врагом, просто у них не оставалось сил, чтобы покинуть поле битвы. Тогда Нидзе ходила по долине, переступая через кровь и грязь, и заглядывала в лица самураев, чтобы угадать, кто из них мертв, а кто просто спит под теплыми каплями дождя.

Она вообще была любопытна и любила опасные игры. Она с легкостью заводила романы с рыцарями и поэтами, чтобы после ночи, на рассвете, сыграть с ними в игру, выигрыш в которой был несравнимо выше, чем выигрыш в кости где-нибудь на постоялом дворе.

Однажды она написала своей рукой на рисовой бумаге ирогами и читала вслух первые три строчки стихотворения. Любовник должен был продолжить это стихотворение, и если его слова слишком уж отличались от тех, что уже были написаны на бумаге, то его голова катилась с плеч во влажный ров, окружавший замок. Это было одно и то же стихотворение, но ни один из тех, кому на одну ночь доставалось ее тело, не мог продлить свою жизнь хотя бы на день.

Обычно она прятала свиток так, что его не мог найти даже Еритомо, как он ни старался.

*«Надейся и верь,
Лишь одно полагая опорой —
Слово, данное ей».*

Что же было написано дальше, знала только она.

Весной, когда Еритомо стал, наконец, единственным властителем страны, она спасла человека. Это был ронин по имени Хироцунэ. Хироцунэ воевал на стороне Тайра и в сражении возле Хэйан остался один. Но не убежал в лес, как это сделал его оруженосец, а рубил своим мечом направо и налево, пока, наконец, не обессилел. Тогда самурай воткнул свой меч в землю и, скрестив руки на груди, стал ждать, когда вассалы Еритомо отрубят ему голову. Нидзе, увидев ронина, пожелала, чтобы сегун пощадил его и взял на службу в замок Минамото. Когда стало ясно, что вместо смерти Хироцунэ получил новую работу, его оруженосец, все это время прятанный в лесу, присоединился к своему хозяину.

«Ты можешь сделать с трусом все, что захочешь», – сказал сегун.

Хироцунэ вытащил из земли меч, подумал, а затем, вложив его в ножны, протянул беглецу.

Жизнь во дворце текла своим чередом, и Еритомо все больше и больше доверял своему новому вассалу. После весны Хэйан было еще немало битв, и Хироцунэ всегда был рядом со своим хозяином, и даже на полшага впереди, чтобы успеть принять удар вражеского меча. Ни один из рыцарей, ни в доме Минамото, ни в славном некогда доме Тайра, не мог сравниться с ронином силой своего удара. О быстроте меча Хироцунэ во дворцах слагали танка, а на постоянных дворах пели грубые песни, в которых пьяницы-оборванцы желали друг другу так же быстро вонзять в женщину свой инструмент, как это делает Хироцунэ на поле боя с врагами.

Единственный друг Хироцунэ, тоже ронин, которого взяли во дворец Минамото задолго до того, как там появился знаменитый фехтовальщик, рассказывал, что захотел как-то померяться с ним силой и быстротой. Хироцунэ предложил ему перед поединком сыграть партию в рендзю. На пятом ходе соперник встал и сказал, что проиграл – и партию, и бой. «Нам не было нужды убивать друг друга, потому что я понял, что Хироцунэ всегда покидает поле боя последним», – сказал самурай сегуну.

И тогда Нидзе решила, что хочет сыграть с Хироцунэ в ирогами. Что и говорить, Хироцунэ, бесстрашный воин, согласился, заранее зная, что проиграет.

Это была единственная ночь в жизни Нидзе, когда она сняла с себя кимоно, позволив ронину распустить оби. Хироцунэ был так же ловок, как пели о нем в кабаках, и превратил постель в поле боя. Она просила его остановиться, а он, не издав ни звука, извлекал из ее тела стоны, которые были стонами о пощаде. Она не ошиблась в нем. А он, всякий раз вынимая свой меч из ее ножен, спрашивал, чего же она боится в жизни. И к утру Нидзе призналась, что больше всего на свете боится умереть от удара мечом, сидя верхом на ком-то из своих недолговечных возлюбленных. «Если я умру так, то стану призраком, а у привидений, как ты знаешь, нет ног. И тогда мое уродство перестанет быть величественным, а будет просто смешным. И все любовники, хотевшие меня на этом свете, в другой жизни будут смеяться и потешаться надо мной», – так ответила Нидзе.

На рассвете пришел час играть в ирогами. Нидзе прочитала строчки из своего свитка.

*«Надейся и верь,
Лишь одно полагая опорой —
Слово, данное ей», —*

услышал Хироцунэ. Ронин молчал. А Нидзе, рассмеявшись, свернула бумагу и положила свиток на ладонь. Четыре охранника знали, что будет дальше. Один из них, положив руку на плечо Хироцунэ, хотел сказать ему, что время думать вышло. Но не сказал, потому что ронин как бы невзначай наклонился, а потом распрямился, словно сосна, которую айны подтягивают к земле, чтобы хоронить своих воинов на самых высоких ветках, и отпускают вверх. Последнее, что ощутил стражник, это то, как меркнет свет в глазах и что-то трещит и ломается там, где была шея. Не успела его голова коснуться земли, как мечом, захваченным у палача, Хироцунэ сделал то, о чем и не мечтал ни один мастер иаи-до на острове, – он отрубил еще три головы, развернувшись, как волчок, на том самом месте, где стоял. После этого приговоренный подошел к Нидзе и, ударив снизу плоской стороной меча по ладони наложницы сегуна, подбросил свиток вверх. Еще одно движение меча, и на землю упали клочки желтой бумаги. А потом они покраснели, когда кровавые ручейки добрались до обрывков самого большого сокровища и самой сокровенной тайны Нидзе.

Хироцунэ вонзил чужой меч в землю точно так же, как сделал это однажды весной. И ждал. И тогда Еритомо сказал, что ему надоели бездарные стихи и что отныне у Нидзе будет муж.

Свадьбу сыграли на следующий день. Были приглашены все знатные вассалы сегуна, ожидался даже приезд его наследника, который, будучи человеком медлительным, всегда опаздывал – и на войну, и на пир. Еритомо подарил молодым новый дом, как раз у подножья холма, где стоял замок Минамото.

Седзи в этом доме были расписаны так, как того пожелала Нидзе. Художник-китаец изобразил хозяйку в момент любовных утех с мужчиной, лицо которого все время было повернуто в сторону от зрителя, так чтобы его нельзя было узнать. Но опытные придворные говорили, что любовник очень похож на главу дома Минамото в дни его молодости и славы. В этом доме Хироцунэ должен был провести свою вторую и все последующие ночи с бывшей наложницей сюзерена. А Еритомо, перестав прятать свою щедрость в закоулках души, решил искренне повеселиться и подарить все свои шелковые кимоно всем тем, кто в простых нарядах сражался некогда во славу и благополучие своего хозяина.

Хироцунэ долго еще не спускался с холма. Он, собираясь вниз, заметил то, чего не заметил никто. Нидзе шла к своему дому, и ее обнимал друг ронина, тот самый, который признал победу над собой за столиком рендзю. Хироцунэ хорошо знал незамысловатый рисунок на шелке его кимоно.

Ронин сидел еще некоторое время у ворот дворца. Затем спустился к дому. Сняв башмаки, он подошел к седзи, отделявшим опочивальню от прихожей. Долго смотрел на причудливое сплетение теней, повторявших в мерцании свечей китайские рисунки на белом шелке. Затем вышел, чтобы посмотреть, скоро ли рассвет.

Он развязал кимоно и разделся догола. Смочил в ручье кусок шелка, которым обматывал руку во время поединков, и, оторвав небольшой кусок, заткнул его в задний проход. Затем снова надел кимоно и засунул за пояс два коротких ножа. За его спиной раздавались стоны. Рисунки больше не плясали вместе с тенями – свеча почти догорела. Ронин зашел в шалаш и разбудил оруженосца. Тот быстро понял, в чем дело, и протянул хозяину короткий меч.

Ронин вошел в спальню и увидел свою жену, сидящую верхом на своем друге. Оба не сняли кимоно. Хироцунэ вонзил меч в спину Нидзе и, сделав еще одно усилие, проткнул и мужчину. Меч вошел очень мягко и остановился только тогда, когда драконы на цубе поцеловались с драконами на кимоно Нидзе. Любовники не произнесли ни звука, только лишь стали неподвижными. Хироцунэ вытащил меч и снова вышел на улицу. Начинаясь новый день.

Ронин протянул меч оруженосцу и сел на колени. Оруженосец знал, что он должен делать, и стал чуть позади Хироцунэ. Самурай вытащил кинжалы и развязал пояс. Чуть-чуть размял мышцы живота, чтобы ножи не причинили ему лишней боли. Вонзил их в собственную плоть. Он ничего не почувствовал, только лишь увидел, как на землю из его утробы падают розовые и коричневые ленты.

*«Надейся и верь,
Лишь одно полагая опорой —
Слово, данное ей», —*

проговорил самурай и услышал свист меча за своей спиной. Но прежде чем его голова отделилась от туловища, до ушей Хироцунэ донеслись еще две строчки. Ирогами оказалась быстрее стали.

*«А весь этот горестный мир —
Сон мимолетный, не более».*

Ему показалось, что их произнес голос Нидзе. А дальше он увидел, как солнце заливает весь горизонт, и мир становится красным, потом ослепительно белым, а потом его окутывает тьма. И потом уже не было ничего.

Нидзе подошла к оруженосцу и приказала тело старого мужчины поднести как можно ближе к замку, а тело женщины утопить в реке. Туда же, вслед за женщиной, отправить обезглавленного самурая, а отрубленную голову очистить от плоти и сделать из нее чашу. Ну, и убрать следы крови.

«Как все-таки хорошо я поступила, – думала она, поднимаясь своими босыми ногами вверх по холму и радуясь тому, что чувствует влажную и холодную землю каждой частичкой своей нежной кожи. – Отдала служанке свою одежду, а старого Еритомо нарядила в кимоно его телохранителя. И каждый из них думал, что проводит ночь с совсем другим человеком. А Хироцунэ, несмотря на свое быстрое тело, никогда не стал бы столь скорым в своих мыслях. Потому что только я знала, как заканчивается ирогами».

«Ну, ладно, пора встречать наследника», – громко сказала вслух Нидзе и ускорила шаг.

КАРМЕН REAL

Афганистан, 2001 год

«Ой, Андрушка, ти сумашеччий!»

Эти слова я каждый раз слышу, когда во время редких случайных и неслучайных встреч рассказываю о том, что видел, где был, что сделал я и что пытались сделать со мной. Мы можем говорить на английском, но я вынуждаю ее переходить на русский: мне так нравится этот милый мягкий акцент. «Сумашеччий» в купе с низким завораживающим смешком средиземноморской женщины в данном случае означает очень высокую степень похвалы и уважения. Я уже давно заметил, что так она называет только того, кого считает близким человеком. Кстати, в славной когорте «сумашеччих» она сама давно и надолго заняла самое лучшее место. А как иначе можно назвать женщину, которая проводит свой отпуск в Ираке, снимая фильм о неоконченной войне?

* * * *

«Кармен», – так она представилась, когда, жарясь на душанбинском солнце перед железными воротами военного аэродрома, журналисты начали обмениваться именами и телефонами. У репортеров, которые работают в горячих точках, есть очень странная привычка забывать перед командировкой визитные карточки. Обмен происходил с помощью ручек, извлеченных из глубин выдавших виды сумок и рюкзаков, и клочков бумаги с неровно и спешно оборванными краями. Время течет и медленно, и быстро. Возможно, сегодня откроются железные ворота и хитрый таджикский прапорщик произнесет наконец заветные слова о том, что появились места на вертолет в Файзабад. На ту сторону, куда рвется тысяча людей, вооруженных камерами, спутниковыми телефонами, чемоданами с переносными монтажными станциями – их называют лэптопами, – генераторами разных размеров и, конечно, бутылками с водой. Всех строго-настроено предупредили: на той стороне воду пить нельзя.

Все терпеливо ждут. И спешно обмениваются адресами – а может быть, пригодится, может быть, вот этот парень в очках, испанец, кажется, или француз, уже имеет надежные контакты на той стороне, и нужно обязательно с ним «задружить» как можно скорее, чтобы урвать свой кусок журналистской удачи. Причем сделать это раньше других. Поэтому, вяло ожидая прапорщика-таджика, журналисты присматриваются друг к другу. Толпа глядит сама на себя.

Российские журналисты держатся подчеркнуто независимо. Что-то дерзкое и вызывающее есть в том, как они произносят названия населенных пунктов «на той стороне» и имена полевых командиров, с которыми уже договорено – конечно, железно! – об интервью и даже содействии.

За нешироким Пянджем в ряд выстроились бородатые мужчины с автоматами, которые ждут дорогих гостей из России – так, наверное, новички из Европы, в первый раз попавшие в Среднюю Азию, представляют себе афганско-росси... тьфу, ты, оговорился... афганско-таджикскую пограничную линию.

«Откуда этот вызов?» – думаю я, но мне кажется, что я знаю ответ на этот вопрос. Россиянам кажется, что это их война, что право быть первыми с новостями об этой войне принадлежит именно им, и это как фантомная боль давно зажившей раны. Отголосок прежней, так и не выигранной войны.

Наверное, она подумала, что я знаю намного больше других. Похоже, моя потерянная жилетка-разгрузка ввела ее в заблуждение. Если честно, мой информационный багаж о том, что происходит за Пянджем, состоял из набора весьма смутных, почти школьных географических фактов, таких же смутных отголосков аккордов солдатских песен и телефона генерала Дустума. Стоит только набрать, уверяли меня приятные люди в афганском посольстве, и бра-

вый афганский узбек тут же вышлет свою личную охрану для того, чтобы встретить дорогого гостя, то есть меня, прямо на границе.

До Дустума я так и не дозвонился. Вернее дозвонился, но трубку взял неизвестный, очень крикливый и говорливый. Голос в трубке шумно и бесперебойно, с жутким акцентом сообщил мне, что мне очень и очень рады, но, к сожалению, генерал уехал в Узбекистан просить о помощи – в его армии закончились сапоги, и лучше мне приехать тогда, когда хозяин будет дома. «А когда, собственно, он будет?» – переспросил я. «О, не волнуйтесь, мы вам перезвоним». «Интересно вот куда?» – с запозданием подумал я, когда положил трубку на посольский телефон. Афганский консул уже протягивал с улыбкой ладонь для прощального рукопожатия. Я почувствовал себя жертвой мелкого вокзального мошенничества.

«Я Кармен», – сказала она по-русски, чем меня немного удивила. С ее типично средиземноморской внешностью русский как-то не вязался. Имя свое она тоже произнесла по-средиземноморски. Кармен, с ударением на первый слог. Я сразу догадался, что именно так и должно звучать ее имя, и от оперного «Кармен» сразу же повеяло запахом старой костюмерной. Я понял, что, произнося это имя в сочетании с фамилиями Бизе и Мериме, всегда дышал миазмами провинциального театра.

Она тогда мне показалась очень яркой. Впрочем, и сейчас я думаю, что из всех журналисток, работавших на войнах, она была самой яркой. А однажды она выглядела и впрямь красиво, когда на крыше багдадского отеля «Палестина» работала в прямом эфире и тысячи людей в небольшой стране Португалия наблюдали за тем, как сухой вечерний ветер приподнимал ее длинные волосы.

Багдад был после.

Сначала Афганистан. В тот день мы не улетели в Файзабад. Вместо прапорщика в выцветшем камуфляже появился весьма серьезный тип в костюме и очень уверенно произнес, что вертолета не будет. Он не представился, но уверенности в нем было настолько много, что стало ясно – это важная персона. Или же полуважная, что в нашей ситуации было равнозначно. Полуважный костюм поначалу не стал отвечать на вопросы, но потом как-то невзначай проговорился, что вертолет все-таки вылетает, но на борту совсем нет места из-за аппаратуры. А потом, вопрос за вопросом, ответ за ответом, мы узнали, что аппаратура эта принадлежит коллегам из Си-эн-эн, которые полностью выкупили этот чартер. Без очереди. Просто заплатили в несколько раз больше, чем смогли заплатить остальные. Вместе взятые.

Россияне попробовали возмутиться. Но костюм осадил их легко и небрежно. На прекрасном русском, без акцента, языке. Коллеги из Москвы безропотно выслушали краткое объяснение. Остальным стало сразу ясно, чья же на самом деле эта война.

Но Кармен, яркая женщина из гордой, но маленькой Португалии, никак не хотела соглашаться с однополярностью нашего мира и громко произнесла вслух то, что все остальные в адрес великой заморской державы только смогли подумать.

Аэродромное знакомство ни к чему не обязывало. С десятками, а может быть, и сотнями коллег я так же легко знакомился, чтобы потом никогда больше не встретиться. С Кармен мы встретились несколько дней спустя.

Афганцы сообразили, что от журналистов им не избавиться просто так. Они раздавали визы в эту благословенную страну так рьяно, что цена на штамп в паспорте возросла в несколько раз буквально на глазах. За то, что в документ ставят квадратную печать, консул сначала брал пятьдесят, потом сто долларов. Отстояв несколько дней в поистине вавилонской очереди, говорящей на десятках языков, я заплатил в окошко кассы двести долларов. «Закончились одноразовые, – сообщил мне консул, – остались только деловые визы». От обычной деловая виза внешне ничем не отличалась. Чернильный штамп да и только. Мне оставалось лишь удивляться, кто в эту страну едет по делу. Ну что ж, вполне разумно – если тебе надо ехать, то ты заплатишь любые деньги. Денег посольство получило невероятно много. Ситуация

накалялась. Журналистов нужно было как можно быстрее собрать и отправить туда, куда они так рвутся. Решение было найдено гениальное и, главное, недорогое. Уже в Душанбе большинство съемочных групп наняли местных водителей, чтобы не простаивать без дела и снимать уж если не войну, то ближайшие к ней окраины планеты. Из этих частников и была сформирована колонна жаждущих попасть в Афганистан. В отличие от «снимающих», у «пишущих» не было своего транспорта. Они срочно сбивались в артели по четыре и тут же нанимали таксистов. «Только до границы», – сурово соглашались душанбинские таксисты и ломили невероятную цену, причем просили деньги вперед. Думаю, больше, чем осенью 2001 года, водилы в Душанбе не зарабатывали. Но разве же только водители? Портье в гостиницах, сотрудники не слишком развитого, хотя и частного, в основном, общепита. Проститутки. Гаишники. Подпольные торговцы марихуаной. И даже дворники, сметавшие отовсюду остатки интернационального мусора.

Колонна выстраивалась долго и крикливо. Но быстро растянулась, как только машины выехали за пределы Душанбе. Оказалось, что дорога до границы только одна и с нее, как с подводной лодки, никуда не денешься. Каждый экипаж решил ехать по собственному плану, с остановкой на обед не в Нуреке, как было договорено, а в первой приглянувшейся чайхане. Придорожные торговцы, кстати, в ту беспокойную осень тоже подняли уровень жизни на рекордную высоту.

Дорога постепенно терялась в песчаных полубарханах и перед тем, как окончательно исчезнуть под песком, уперлась в зеленый вагончик, поставленный на кирпичи. Пространство возле вагончика было с трех сторон обтянуто колючей проволокой, а с четвертой примыкало к реке. На воде покачивался металлический обрывок понтонного моста, снабженный лебедкой. Это и была граница, о чем я, впрочем, догадался не сразу, а после того, как из будки появился российский пограничник. Настоящий щит Родины, косая сажень в плечах, сапоги размера эдак сорок пятого. Ну и лицо с неистребимыми следами безнадежных попыток снять стресс с помощью алкоголя.

«Петров, давай их всех сюда!» – крикнул он солдату у калитки – вот как, в заборе из колючей проволоки была еще и дверца, – и рядовой, с озабоченным выражением сонного лица, сделал рукой знак и повторил вслух офицерское «давай». Мы, рассчитавшись с водителями и навьючив на себя все свое оборудование, послушно выполнили приказ. К тому времени, как мы доехали до Пянджа, на берегу было достаточно много машин. Когда же нас стали заводить в загон, я удивился тому, насколько же много людей рвется в Афганистан.

Толпа журналистов, как-то сразу, сама по себе, сформировалась в очередь. Это была самая мрачная из всех очередей, колонн и конвоев афганской командировки. Колючая проволока и солдат вызвали мрачные ассоциации со смутными временами отечественной истории. Иностранная речь усиливала впечатление. Кто-то толкнул меня локтем. Я, почему-то разозлившись, развернулся и хотел грубо ответить. Но тут же осекся, увидев Кармен. Она тянула за ручки одну сторону огромного алюминиевого сундука, другой занимался человек в очках. Сундук был тяжелый, неудобный и строптивый. Он так и норовил подставить ей свой острый угол. «Господи!» – громко и зычно повторяла она по-русски, когда ударялась коленкой о контейнер, и тут же переходила на португальский.

«Давай помогу», – сказал я, перехватывая ручки ее имущества, не сняв при этом со спины собственный рюкзак. С этого мгновения мы держались вместе.

Хадж-Багаутдин – так назывался городок, в который нас привез грузовик с пучеглазым бородастым водителем.

«Нас» – это значит всех журналистов, перебравшихся на тот берег. Пожалуй, это был не просто грузовик, а самосвал. Символично, правда? Сначала за колючую проволоку, потом в кузов самосвала. Всех сгрузили километров через двадцать возле небольшой усадьбы с глинобитным забором.

Усадьба – это тоже весьма условное определение для того, что мы увидели. Два дома. Один довольно большой, с белыми колоннами возле входа. Другой тоже с колоннами, но явно поменьше. И попроще. А во дворе, как солдаты на бивуаке, расположились журналисты. Они ели, пили, готовили, писали в свои интернеты и друг другу мешали. Нас оставили посреди этого скопища людей и не забыли сказать: «Мест нет». Это было Министерство иностранных дел Северного альянса. Главных местных союзников американцев в борьбе с международным терроризмом.

Следы терроризма мы увидели, можно сказать, воочию. На стене одного из строений я, хотя вовсе и не сразу, разглядел следы копоты. «Масуд, Масуд! – сказал мне афганец в форме и с автоматом в руках. – Масуд, бух!» И руками показал в пространстве окружность. Оказалось, в этом доме и взорвали бывшего врага всех шурави в этой стране – легендарного Ахмад-Шаха Масуда. Причем произошло это буквально накануне нашего приезда. В знаменитом доме поселили американцев. Тех самых ребят из Си-эн-эн, сумевших перекупить афганского летчика и его вертолет.

Чиновник-афганец поселил меня и Кармен, конечно, вместе с операторами, к американцам. Я не знал еще, на каких условиях, но был вполне доволен. Пол, на котором мы спали, был покрыт ковролином. Рюкзаки отлично послужили в качестве подушек. Я был счастлив и с нетерпением ждал, когда сон захватит меня полностью. Полудремотное состояние, как для меня, так самое приятное в процессе погружения в сон, длилось недолго, и я почти моментально заснул.

Проснулся я от криков. Кричали сразу на трех языках. Один я распознал сразу. Английский. Из сказанного я понял, что англоговорящий хозяин мощного баритона считает, что кое-кто живет в его доме незаконно, спит на его ковролине и создает очередь перед умывальником. Ответная ремарка голоса, который можно было идентифицировать как женский, сообщила, что американцы полмира захватили и не дают даже умыться лица. Американский, надо полагать, баритон заметил, что все вокруг захватили как раз не североамериканцы, а выходцы из Латинской Америки. И всех их, сволочей, нужно гнать взашей. Дальше я услышал слово, которое звучало очень похоже на фамилию композитора Эннио Морриконе, звук пощечины и крик мужчины. Кричал американский баритон.

Когда я вышел из каморки, в которой спал, драка уже была в разгаре. Португалка Кармен, повторяя итальянскую фамилию американского композитора, быстро молотила руками по брюху необычайно огромного американца в майке и с полотенцем на плече. «Сука, сука, сука!» – орал представитель великой державы. На крик выбежали афганцы с оружием и, конечно, растащили дерущихся. Впрочем, следует заметить, американский гигант ничем не успел ответить португалке, кроме, пожалуй, оскорбительных слов.

Минут этак через десять нас пригласили на брифинг. Точнее это был третейский суд. На нем решалось, что же делать с вновь прибывшими гостями, столь ярко заявившими о себе в первый день пребывания в Афганистане. Судилище происходило в той самой комнате, где террористы-арабы взорвали Масуда. На стенах еще лежала черная копоть, и в воздухе стоял хорошо знакомый домохозяйкам запах подгоревшего молока. Бородатый парень в шапке-пакуле выслушивал объяснения сторон. Все сказанное участниками драки переводили суетливые люди с автоматами Калашникова. Я глядел на бородача и думал о том, что он очень похож на Ахмад-Шаха. Даже пакуль на нем сидел почти так же залихватски, как на знаменитом моджахеде. Наверное, председательствующий и сам об этом знал. Но ему явно не хватало внутренней харизмы Панджшерского Льва, и поэтому вся ситуация выглядела комичной. В отличие от того рокового дня, когда сработала взрывчатка, искусно спрятанная в камере псевдожурналистов, и на белых стенах появились пятна копоты.

Вердикт не заставил себя долго ждать. Он гласил: в силу того, что накануне дом взяли в аренду американские компании, права в конфликте принадлежит временным хозяевам, то бишь американцам. Португальцы должны отсюда убраться. Ну, и украинцы вместе с ними.

Следующую ночь мы провели под открытым небом, в спальных мешках. Потом еще одну. Потом масудоподобный бородач распорядился выдать нам зеленый пыльный брезент, при ближайшем рассмотрении оказавшийся палаткой, и мы ловко устроили себе в ней жилье. «А что такое Морриконе?» – спросил я Кармен по-русски, когда отправил в Украину свой первый сюжет, а она свой – в Португалию. «Что-что?» – поморщилась она. «Ну, – говорю, – ты назвала этого парня Морриконе. Есть композитор такой». Журналистка громко расхохоталась. Белые зубы, запрокинутая голова, черные распущенные волосы. Она мне показалась тогда очень и очень красивой. «Не Морриконе, а марикон», – поправила она меня. «А как это переводится на русский?» – «Пидор», – она сделала подстрочный перевод. Так я выучил первое слово на португальском.

Утром мы поехали на позицию Северного альянса. Португальцы отправились вслед за нами. Мы решили держаться вместе. Так было проще разгребать финансовые проблемы, нараставшие девятым валом жадности к зеленым бумажкам, завезенным в Афганистан иностранными журналистами. Когда их количество в Хадж-Багаутдине перевалило за тысячу человек, цена на аренду автомобиля выросла в четыре раза. Однажды утром мы обнаружили, что наш водитель бросил нас и уехал обслуживать тех, кто смог заплатить больше. Но это было немного позже. А пока мы ехали в нашем «уазике» в сторону условной границы, разделявшей территорию влияния Северного альянса и талибов. «Уазик» оказался вместительным. Кармен сидела на переднем сиденье. На заднем расположились я и мой оператор. Между нами нашлось место еще для одного коллеги, грузинского камермена, работавшего на испанцев. В багажном отсеке, невзирая на чудовищные ухабы, по которым скакал русский джип, дремал Глеб Гаранич, фотограф агентства Ройтерз.

Позиция была уж слишком живописной. По гребню каменно-песчаной гряды тянулась линия окопов. На самой высокой точке находилась танковая позиция. Старый Т-55 был закопан по основанию башни в серый песок. Ствол грозно глядел в сторону, где, предположительно, злые талибы строили козни законному правительству Афганистана. Танкисты, сидя на башне, улыбались и пили чай. Вдоль линии фронта, обозначенной рекой, тянулся небольшой караван ослов с поклажей. Погонщики совершенно не обращали внимания на то, что пушка танка смотрела именно на них. «Ставьте свою технику», – на относительно неплохом русском сказал командир танка.

– А какое ваше звание? – спросил я его, пожимая протянутую ладонь.

– Генерал, – ответил человек в тюрбане и с потертой рацией, свисавшей на ремне с плеча.

«Ну, прямо командир танкового корпуса», – подумал я про себя. Все сходилось. Танк не ездил. Военное значение имели только его пушка и бронированный корпус.

Мы расставили штатив и водрузили на него камеру. Рядом Тиаго выстроил свою съемочную позицию. Грузиноиспанский оператор не стал тратить времени на штатив и, положив камеру себе на плечо, подбежал поближе к танку. Флегматичный Гаранич спокойно заметил коллеге, что «е...ет так, что позвоночник в трусы высыпется», и тот быстро вернулся к общей группе. Она очень напоминала ложу прессы во время официальных мероприятий. Если бы не песок, холмы и афганцы.

Кармен стояла и курила рядом со своим верным Тиаго. Он действительно беспрекословно ее слушался. Как верная овчарка, глядел на свою журналистку в ожидании новых творческих задач.

Афганец извлек снаряд и загнал его в ствол. Грозный металл, бряцнув, уверенно встал на место, готовый выполнить мрачную работу, для которой он и был создан.

И тут вдаль послышался рокот двигателей. Не перед нами, а за нашими спинами. То есть не талибы. А спустя мгновение мы увидели две новенькие «тойоты», на которых в районе Хадж-Багаутдина рассекали американские съемочные группы. Да, действительно, это были они. Вернее одна группа в сопровождении афганских автоматчиков. Американцы всегда ездили с охраной. Они подъехали на позицию, выскочили из машин и что-то затараторили генералу. Командиру танкового корпуса. Тот быстро закивал головой и махнул рукой в сторону нашей группы. Тогда из второй машины выпрыгнули оператор с огромной камерой и светловолосый улыбающийся журналист. Аккуратная стрижка, чуть растрепанная ветром, и мягкий овал лица.

Роберт Рэдфорд, молодые годы. Он весь ну просто сплошной позитив. Эталон положительных эмоций. Идеальный типаж для телевидения. И где только американцы таких находят? Неужели выращивают в специальных инкубаторах? Положительный журналист ловко перескочил через окоп и встал ну прямо перед нашей камерой. А перед португальской – встал его оператор. И – что бы вы могли себе подумать? – начал разворачивать свой штатив.

Я, честно говоря, опешил. Они намеревались перекрыть нам кадр, даже не спросив вежливости ради разрешения. Быстрее всех справился с удивлением Тиаго, он спросил американцев, а не хотят ли они свалить немножко в сторону, чтобы не мешать снимать.

Сваливать американцы не хотели, о чем недвусмысленно заявили всем присутствующим на позиции журналистам. Кармен повторила слова Тиаго, используя вспомогательные выражения, которые, как правило, иногда взбадривают людей лучше холодного душа. И получила ответ. Не столь грубый по форме, но просто уничижительный по своей сути. Позитивная копия Роберта Рэдфорда повернулась к португалке и заметила: «Это наша война, и мы будем снимать ее там, где хотим и когда хотим».

Танк выстрелил по команде американского оператора. Смешанный со звоном гильзы грохот порохового заряда. А через несколько секунд взрыв снаряда где-то вдаль. У нас же в кадре, кроме звука, остались только спины людей с логотипами американского канала. Когда они уехали, отсняв все, что им нужно, ко мне подошел танковый генерал и успокаивающе зашептал: «Ничего, сейчас и для вас постреляем».

Казалось бы, все происходило вполне нормально. В итоге мы отсняли все, что нам нужно. И, может быть, даже немного больше того, что мы ожидали снять. Но остался неприятный и, в общем-то, неопределенный осадок где-то внутри. Словно во время королевского застолья тебе указали на твое место на кухне, куда сносят грязную посуду с объедками.

Наша машина спускалась вниз с танковой позиции в сторону дороги, которая вела на Хадж-Багаутдин. Кармен курила, сбрасывая пепел на пол – в «уазике» не открывались окна, – а Тиаго угрюмо просматривал видеозапись на камере. Испанский грузин мычал про себя мелодию, кажется, что-то наподобие «Сулико». Гаранич снова дремал в «обезьяннике» за рядом задних сидений.

И тут Кармен вскрикнула. На дороге, преградив нам путь, стояли два джипа американской съемочной группы. Собственно, они не собирались перекрывать движение. Просто стояли так, как им было удобно. Два афганских автоматчика внимательно смотрели по сторонам, заняв позицию за ближайшей машиной. Журналист и оператор, улыбаясь, курили, опершись на капот. Видимо, обсуждали забавный случай. Причем мне почему-то показалось, что случай они обсуждали как раз недавний, имевший место на танковой позиции.

Оказывается, такое чувство посетило не только меня.

Кармен выскочила из машины и захлопнула дверь. Мы в машине не могли достаточно хорошо расслышать ее диалог с американцами. Но зато неплохо рассмотрели, как после этого недолгого диалога журналистка наклонилась, подняла с земли камень и швырнула в сторону заокеанских коллег. Когда она наклонилась второй раз, я заметил, что афганские автоматчики оставили свою позицию и скрылись в машине. Когда потянулась за третьим снарядом, гру-

зинский оператор темпераментно заметил, выразив общее мнение: «Ну что, будем сидеть и смотреть, как баба с мужиками п...дится?» Мы высypались изo всех четырех дверей «рашнджипа». Откинув брезентовый полог, из «обезьянника» выполз Глеб Гаранич. Улыбающиеся представители американских масс-медиа, видимо, не ожидали столь мощной поддержки и предпочли обратиться.

Диалог, в результате которого Кармен прибегла к извечному оружию пролетариата, по ее словам, звучал так.

Кармен: «Вы и здесь нам все перекрываете?»

Американский журналист (улыбаясь): «А это кто?»

Кармен: «Я, между прочим, ваша коллега».

Американский оператор: «А, это та латиноамериканская сучка, которая была возле этого хренова танка».

– Почему они решили, что я латиноамериканская? – возмущалась Кармен всю дорогу до нашего привычного ночлега в Хадж-Багаутдине. Странно, но насчет второй части столь обидного определения она претензий не высказывала. Дорога была долгой, и все мы наперебой в разных вариациях обсуждали сцену на дороге, однозначно оценив ее как маленькую победу Старого Света над Новым. Как утверждение приоритетов европейских ценностей над американскими.

Некоторое время спустя Кармен снова отличилась на поприще защиты европейских ценностей. Но на сей раз опасность подкралась с неожиданной стороны. А правильнее было бы сказать, португалка сама на нее напалась.

Наша интернациональная группа снова решила выехать на передовую. Линия фронта весьма причудливо искривлялась по карте, следуя неровностям рельефа. Казалось, сумасшедшие талибы, вместо того чтобы отступать в глубь Афганистана, вклинились в узкую полосу земли между таджикской границей и войсками Северного альянса. На передовой не наблюдалось особой активности. «Северные» пили чай возле выстроенной из автоматов пирамиды. Позиция была очень похожа на предыдущую. Не хватало только старого танка.

Мой оператор, не говоря ни слова, стал снимать. Начал с пейзажей. Чтобы не спугнуть вооруженных моджахедов. Потом перешел на панорамы, чтобы люди как бы случайно попадали в кадр. Потом, осмелев, сосредоточился на крупных и средних планах серьезных бордачей.

Вдруг за своей спиной я услышал крик. Кричали на ломаном русском языке. Женщина.

– Вы не мужчины!!! Кто это сделал? У вас нет смелости ответить женщине?

Ну конечно же Кармен. Но почему она кричит на моджахедов? Если она уж настолько осмелела, значит, должно было произойти нечто из ряда вон выходящее.

– Кто? Говорите мне, кто!

И рефреном снова и снова звучало «вы не мужчины». Я подбежал к португальцам. Тиаго с озабоченным лицом стоял возле камеры. Рядом с ним неловко улыбающиеся мождахеды. Неловко, но все же слегка нагловатo. И опасно. Вокруг них, замотанная в платок, наматывая круги, бегала Кармен.

– Что случилось? – спросил я ее.

Объяснение было коротким.

– Кто-то из них схватил меня за жопу! Я проходила мимо них, и кто-то схватил меня за жопу! Ужас, представляешь?

Я представил. Загнанные в жесткие рамки ислама и войны, мужики, которые чужих женщин видят только в самых радужных снах, оказываются вдруг рядом с особью противоположного пола. Причем не просто оказываются рядом. Они видят ее лицо, пусть прикрытое платком, но всего лишь слегка. Они чувствуют запах ее духов, смешанный с естественным запахом тела. О, невероятно!!! Она проходит мимо них, чуть ли не касаясь бедрами, упакованными

в довольно плотно обтягивающие джинсы. И той частью тела, которой в этой ситуации так хочется коснуться. Что, собственно, и произошло. Но эти вооруженные мужики просто не знали, с кем они имеют дело.

– Где ваш командир? – грозно спросила португалка.

Командир появился. Он ничем не отличался от остальных. Только глаза были, что ли, повнимательнее. Кармен быстро объяснила ему, в чем дело. А главное, она сказала ему, что ее обидчик не просто не-мужчина, но еще и немусульманин, потому что настоящий мусульманин так с женщиной не поступает, тем более с чужой. Командир послушал ее и подумал. Внимательные глаза прикрылись веками на мгновение, потом широко открылись и стали очень злыми.

– А ну, все ко мне! – крикнул командир на фарси.

Ленивая атмосфера на позиции сменилась на очень напряженную. Моджахеды выстроились в ряд, если можно назвать рядом нестройную линию, которую образовала группа вооруженных людей.

Командир подошел к Кармен и сказал:

– Послушай, женщина. Укажи мне на того, кто тебя обидел, и я тут же его расстреляю. Это понятно?

Но и без уточняющего вопроса серьезность его намерений была вполне ясна. По крайней мере, всем его моджахедам. Ну и мне.

Я подошел тихонько к Кармен и заметил:

– А ведь расстреляет.

– Ты так думаешь? – удивилась португалка.

– Я так думаю, – подтвердил я.

Кармен тоже подумала. И решила про себя, что одно несанкционированное прикосновение к ее жопе – это, конечно же, большой проступок, но не настолько серьезный, чтобы отдать за него жизнь мужчины, тем более, если этот мужчина героический моджахед. Кармен для важности момента прошлась пару раз перед строем, взгляды в лица бородатых мужиков. При этом каждый из них выпрямлял спину и устремлял свой взгляд вдаль. «Не узнаю», – резюмировала осмотр Кармен.

– Так ты никого и впрямь не узнала? – спросил я ее по пути на ночлег.

– Узнала, – сказала она. – Он стоял с правого края. Такой молодой парень. С короткой бородой.

– Пожалела? – спросил я ее снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.